СОЛНЦЕ ЦВЕТА МЁДА

ДМИТРИЙ КАЗАКОВ

Солнце севера

Дмитрий Казаков

Солнце цвета меда

«Автор»
2005

Казаков Д. Л.

Солнце цвета меда / Д. Л. Казаков — «Автор», 2005 — (Солнце севера)

ISBN 5-93556-491-2

Северным землям грозит не просто набег чужаков, а вражеское нашествие. Узнав о нем, конунг Ивар Ловкач, привыкший бороздить моря в погоне за славой и золотом, вынужден отказаться от очередного похода и плыть на восток. Туда, где за Гардарики, именуемой еще Русью, за степью кроется логово злодея, чья воля бросила в огонь войны целые народы.

ISBN 5-93556-491-2

© Казаков Д. Л., 2005
© Автор, 2005

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 16
Глава 3 26
Глава 4 37
Глава 5 47
Конец ознакомительного фрагмента. 56

Дмитрий КАЗАКОВ
СОЛНЦЕ ЦВЕТА МЕДА

Глава 1
НАШЕСТВИЕ

Нос корабля, выскочившего из-за пологого мыса, украшал нагло скалящийся козлиный череп. На мачте раздувался широкий белый парус, и солнце играло на десятках вывешенных вдоль бортов алых вытянутых щитов.

Чужак шел точно наперерез драккару, и курс его красноречиво говорил о намерениях.

– Ничего себе! – Нерейд Болтун даже присвистнул. – Это еще что за штуковина?

– Ладья, – ответил Арнвид, эриль дружины викингов, – а на ней – венды. И лучше приготовиться к битве.

– Венды? Здесь, у острова Хисинг? – удивился конунг Ивар по прозвищу Ловкач, только вчера выведший драккар из Конунгахеллы в море, чтобы двинуться на юг, к землям саксов.

Венды, обитатели южного побережья Восточного Моря, редко показывались западнее данских островов, и встретить их судно здесь, у берегов Ранрики, было сложнее, чем кита в горах Ямталанда.

Но удивлялся конунг недолго.

– К оружию! – рявкнул он зло, и викинги засуетились, натягивая кольчуги.

Запели, полосуя воздух, первые стрелы. Венды славились как хорошие лучники, и остроклювые птицы смерти одна за другой впивались в борта драккара, яростно звякая о щиты.

– Давай-ка им навстречу! – крикнул Ивар, и Эйрик Две Марки налег на рулевое весло.

Драконья голова слегка качнулась, и корабль викингов, на самом деле похожий на скользящего по волнам морского змея, повернул в сторону куда более тяжелой, напоминающей громадную птицу, ладьи».

– Луки готовь!

Но выстрелить в ответ не успел никто. Ивар ощутил пронизавшую тело странную дрожь, глаза неожиданно заслезились, и палубу драккара словно накрыло облако полупрозрачного дыма.

Краем глаза конунг видел, как замирают его воины, как оружие с лязгом вываливается из ослабевших рук, а на обветренных лицах застывают гримасы покорного равнодушия.

Мир уплывал, затягиваясь серой пеленой, медленно исчезали звуки.

– Чары наводят! – Голос Арнвида звучал, словно из-за стены, глухо и неразборчиво, – Сейчас я им!

Нестерпимо ярко полыхнула начертанная в воздухе руна, и будто горячий ветер овеял приунывших викингов.

– К бою! – Ивар встряхнулся, и над морем полетел боевой клич, наводящий ужас на всех берегах от Дюплинна до Бьярмаланда: – Одину слава!

– Одину слава! – заревели дружинники, и в этот момент корабли сошлись вплотную.

Стрела вонзилась в палубу прямо под ногами Ивара, и тут же вслед за ней на борт драккара спрыгнул широкоплечий воин. Высокий шлем с личиной сверкал словно кусок льда, а длинный меч в руках двигался с такой скоростью, что его трудно было разглядеть.

Лезвие рассекло воздух совсем рядом с головой конунга, и Ивар еще успел удивиться, что различил растекавшиеся по стали серебристые блики. Лицо обдало неприятно холодным ветерком.

Тело конунга действовало само. Оно дернулось в сторону, уходя от пронесшегося мимо копья, а руки заученным движением вонзили клинок точно в открывшееся горло противника.

Тот рухнул за борт. Схватка кипела по всей носовой части драккара. Венды один за другим прыгали с борта ладьи; чуть в стороне от Ивара, яростно рыча, как медведь среди псов, ворочался берсерк Карн.

Каждый его удар стоил жизни кому-то из чужаков. За спиной конунга кто-то хрипло, надрывно кричал. И это было хорошо: раз орет – значит, ранен и есть шанс, что выживет. Те, кто стоят на пороге Хель, обычно молчат…

Ивар рубился так, как делал это сотни раз – спокойно и уверенно. Меч некогда полученный в дар на туманных берегах Бретланда, легко пропарывал кольчуги, разрезал щиты, будто они были изо мха, сносил головы и отрубал конечности.

Пот заливал лицо, а палуба под сапогами была скользкой. Скорее всего, от крови.

Свалив очередного противника. Ивар обнаружил, что перед ним никого нет, а в нескольких шагах виднеются лоснящиеся и черные от смолы доски чужого борта.

Ноги стонали от усталости, а в голове, по которой вскользь проехалась чья-то секира, слегка гудело. Но все это было не важно – конунг должен идти впереди дружины, а если он это делать не в состоянии, тогда он не конунг.

Ивар, собрав остатки сил, прыгнул, свободной рукой зацепился за висящий на борту ладьи щит. Тот затрещав, готовый развалиться, но конунг одним рывком вздернул себя на палубу. Пошатнулся, потеряв равновесие, и замер…

Он отрешенно следил за тем, как острый наконечник копья приближается к кольчуге, знал, что та не выдержит, и прекрасно понимал, что сам ничего сделать не успеет. Золоченые двери Вальхаллы распахнулись в вышине… Выпорхнувший сбоку клинок переломил копье, и оттого оно стало менее опасно, нежели простая палка.

– Должен будешь! – ехидно оскалился Нерейд и исчез в круговерти схватки.

«Буду!» – мысленно согласился Ивар, с наслаждением разрубая чей-то шлем вместе с головой и всем ее содержимым. В лицо брызнуло теплым и склизким, и это было приятно.

Викинги один за другим лезли через борт, оглашая воздух криками ярости. Венды сопротивлялись отчаянно, но становилось ясно – эту схватку им не выиграть.

– Одного возьмите живым! – донесся снизу, с палубы драккара, крик Арнвида.

«Не поздно ли?» – отрешенно подумал Ивар, глядя, как Кари ударом кулака превращает в кашу череп неудачливого венда, а Ингьяльд Большая Рука, тишайший ученик эриля, сносит башку еще одному.

– Стоять!!! – гаркнул Ивар так, что остановились даже берсерки, в безумии сражения не замечающие ничего вокруг.

Битва замерла.

– Все, хватит. – Этот приказ конунг произнес уже обычным голосом, но услышали его все.

– Хватит так хватит, – покладисто согласился Нерейд, обтирая заляпанный кровью меч о роскошный меховой плащ убитого им воина, судя по всему предводителя.

– Найдите мне живого венда!

Это оказалось непросто. Викинги пронеслись по палубе ладьи, словно смертоносный ураган. Трупы предлагались любые, на выбор: обезглавленные, с отрубленными руками и ногами, проткнутые копьем, расплющенные так, словно их давили камнями.

А вот живых не осталось. Судя по всему, в последние мгновения битвы викинги с остервенением добивали раненых.

– Нашел!.. – донесся с палубы драккара ликующий вопль. Выглянув из-за борта, Ивар обнаружил Рёгнвальда. Тот выволакивал из-под груды тел еще одно, которое, судя по слабым стонам и ругательствам, пока что не превратилось в безжизненный труп. – Живой!

– Отлично, – Через мгновение Ивар опустился на корточки рядом с раненым. Глаза обезумевшего от боли и страха венда блуждали, лицо было бледным, а вмятина на шлеме свидетельствовала о силе пришедшегося по голове удара.

– Надо подождать, – сказал Арнвид.

– Подождем, – кивнул Ивар и, повернувшись к дружинникам, приказал: – Что замерли? Очищайте ладью!

С радостным гомоном викинги устремились грабить вражеское судно.

– Ну, можешь говорить? – требовательно поинтересовался Арнвид, когда в серых, как старый валун, глазах венда появилось осмысленное выражение.

– Могу, – сказал он с вызовом, сплевывая кровь с рассеченной губы. – Только зачем? Все одно убьете!

– Не так, – спокойно ответил Ивар. – Я даю тебе слово конунга и клянусь бородой Отца Ратей, что если ты ответишь на все вопросы, то мы высадим тебя на берег. Шансы выжить и добраться до родины, конечно, невелики, но все лучше, чем гнить на дне моря вместе с остальными.

– Что вы… хотите знать? – Судя по тому, как невнятно и замедленно произносил слова венд, он еще не оправился от удара.

– Что вы делаете в этих водах? – встрял эриль. Несмотря на седьмой десяток лет, он не утратил почти детского любопытства, а умереть, похоже, собирался в походе, а не в постели. – Ладей вендов тут никогда не видели!

– Теперь увидят! – ответил пленник, и губы его дернулись в мрачной усмешке. – Наш корабль – передовой дозор могучего флота, который плывет сюда, чтобы сжечь Конунгахеллу!

– Сжечь? Зачем? – изумился Ивар. Конунгахелла, древнейший город Северных Земель, в котором многие столетия правят потомки Одина, еще ни разу не подвергался набегам.

– Чтобы вызвать страх! – сморщился венд. Похоже было, что слова, которые приходилось сейчас говорить, не доставляют ему особенного удовольствия. – Чтобы обитатели Северных Земель содрогнулись, а сердца их стали мягкими!

– Ну это вряд ли, – заявил Арнвид, почесывая подбородок. – Скорее камни растают как лед! Ну а страх-то вызывать зачем?

– Мы собираемся переселяться. Всем племенем. Сюда, в Северные Земли. И хотим, чтобы другие потеснились.

Эриль и конунг изумленно переглянулись. Многие века все известные им народы жили каждый в своих пределах, а времена, когда племена снимались с места и отправлялись на поиски лучшей участи, пересекая при этом, как безумные готы, половину мира, от Гардарики до Румаборга, почти забылись.

И теперь что, все снова? И если могучее и многочисленное племя вендов действительно двинется на север, то тяжко придется всем: от жителей острова Готланд до обитателей Халогаланда.

– Что? – выдохнул наконец опешивший Ивар. – Переселяться?.. Зачем?..

– Темные времена наступили в наших землях. – Венд опустил голову, но видно было, что он помрачнел. – Чудовищное зло ползет из степей, соседи с полудня стремятся уйти от него, давят на нас. Войны на границах не утихают даже зимой. Чем жить так, лучше уйти за море, отгородиться соленой водой от тьмы, надвигающейся с юга!

– Что еще за тьма? – вопросил Арнвид.

– Откуда мне знать? – пожал плечами венд. – Я простой воин! Мог ведать волхв, который был на ладье, но вы его убили…

Гудрёд, тащивший мимо окованный медью сундук, как-то скромно потупился и поспешно шмыгнул в сторону.

– Когда начнется переселение? – требовательно поинтересовался Арнвид.

– Следующим летом, – ответил пленник. – В этом году – только разведка боем.

– А зачем вы, передовой дозор, напали на нас? – спросил Ивар. – Поступи так кто-то из моих воинов, я бы обезглавил его за глупость…

– Наш князь был слишком горяч, все спешил окровавить свой меч, – венд покосился в сторону ладьи, откуда доносились равномерные всплески – с палубы как раз скидывали в море трупы, – вот и окровавил…

– Хорошо, – Ивар поднялся на ноги. – Ты честно заслужил свободу. Как сожжем вашу ладью, – тут пленник вздрогнул, – подплывем к берегу и высадим тебя. Если боги проявят милость, то твои же тебя и подберут.

Венд тяжело глянул из-под светлых бровей, но ничего не сказал. Ивар с Арнвидом отошли к противоположному борту, чтобы их разговора не слышал пленник и чтобы не мешать дружинникам, таскающим добро с ладьи.

– Что ты думаешь об этом? – требовательно спросил Ивар.

– Он говорил правду. – Арнвид глянул на каменно-спокойное лицо собеседника и в очередной раз поразился, насколько тот в иные моменты, несмотря на различие характера, походит на Хаука, прежнего конунга, сгинувшего семь лет назад в далеком Миклагарде. – И мы должны вернуться в Конунгахеллу.

– Зачем?

– Чтобы предупредить о надвигающейся беде. – Арнвид удивленно глянул на конунга.

– Тогда нам самим придется участвовать в битве. – Ивар покачал головой, – А мне этого совсем не хочется…

– Почему? – Эриль изумился еще сильнее. Никогда на его памяти Ивар не уклонялся от сражения.

– Ради чего? – Ивар сморщился, – Я отвечаю за то, чтобы мои воины возвращались домой, нагруженные славой и золотом. А здесь вряд ли будет добыча, славу придется делить, а умереть можно запросто… Венды отважные и умелые воины! Не лучше ли будет свернуть в море, двинуться прямо на юг, в страну саксов, как мы и хотели? Пусть местный конунг сам защищает свои владения!

– Ты прав. – В блеклых глазах Арнвида зажглись нехорошие огоньки, и Ивар неожиданно вновь ощутил себя безусым юнцом, только-только попавшим на корабль викингов, – Как конунг, ты отвечаешь за каждого дружинника, за его жизнь и благополучие. Но помни о том, что есть такая вещь, как родина, за которую ты тоже в ответе! Думаешь, венды остановятся здесь, в Ранрики? Нет, они полезут на север, рано или поздно доберутся до Трандхейма!

– Кто знает, доберутся или нет, – пожал плечами Ивар, – разве что светлые асы. Я морской конунг, и мой дом – палуба драккара, и только потом Гаулардаль.

– Хорошо, – покорно согласился Арнвид, – я понимаю. Если венды дойдут до Гаулардаля, ты подыщешь себе новую землю где-нибудь за морем, перевезешь туда Рагнхильд и сыновей. Но как посмотрят на тебя сегодня дружинники? Кое-кто из них решит, что ты просто струсил… И слухи об этом быстро расползутся по всем Северным Землям!

Ивар помолчал, перекатываясь с пятки на носок. Лицо его было безмятежным, лишь глаза потемнели.

– Ладно, – сказал он после паузы, – ты меня убедил, хитроумный эриль. Мы поворачиваем назад!

Нависшее над гаванью Конунгахеллы серое небо плевалось мелким, холодным дождем. Капли тусклыми слезами сползали по металлу шлемов, блестели на кольчугах и щитах.

Море было каким-то бесцветным, и перегородившие гавань драккары казались пригоршней высыпанных на воду стружек. Тут собрались все викинги, оказавшиеся этой весной в Конунгахелле, опытные и молодые, прославленные и только мечтающие прославиться.

Они сражались на туманных холмах Бретланда и в лесах Гардарики, среди жарких песков страны серков и в каменных городах Миклагарда. Теперь им предстояло биться у себя дома, защищая старейшее селение Северных Земель.

Тем, кто привык ходить в набеги, сегодня самим предстояло отражать набег.

Ивар поправил шлем и вгляделся в туманную даль, из которой вот-вот должны были показаться высокобортные ладьи, чьи носы украшали козлиные черепа, а борта – ряды алых щитов, похожих на кровавые слезы.

Стоило немалого труда убедить морских конунгов, что нашествие вендов не привиделось кому-то спьяну, а случилось на самом деле, но, когда это удалось, все, как один, привели свои дружины, избрав предводителем хозяина Конунгахеллы Адильса Старого.

Никто не попытался уйти из гавани, спасти шкуру. Когда это выяснилось, Ивар почувствовал неловкость.

– Идут! – донесся крик с мачты среднего в ряду драккара, куда забрался самый остроглазый воин из дружины Рагнара Кожаные Штаны, – Идут!

– Готовимся, – коротко приказал Ивар, вглядываясь в горизонт, где из пелены дождя один за другим выступали черные силуэты.

Мечи с шорохом покинули ножны.

– Хорошо, что дождь, – проворчал Арнвид, – из луков не особенно постреляешь. А то бы они нас того…

Корабли вендов надвигались в молчании. Слышно было, как плещут, погружаясь в стальное тело моря, длинные весла.

– Одину слава! – гаркнул, не выдержав, кто-то, и сотни глоток поддержали крикуна, заставив сбиться с ритма вендских гребцов:

– Одину слава!

Облачная пелена лопнула внезапно, словно ветхая холстина. Ивару почудилось, что он слышал треск рвущейся ткани. Луч солнца, похожий на копье, прорезал струи дождя и упал на воду, заставив ее заблестеть прошитой золотом синевой.

– Отец Ратей с нами! – выкрикнул Арнвид, улыбаясь. Сквозь небо, разрывая его подобно молнии, пронесся всадник на сияющем восьминогом жеребце. Первая из ладей вендов с грохотом ударила в борт высунувшегося из строя драккара. Свистнули стрелы – колосья смерти, торопясь собрать жатву из викингов (хотя каждый из них сам привык считать себя жнецом).

А из облаков, истошно визжа, рухнули валькирии на роняющих пену конях.

И грянула битва.

Вид у воина был спокойным, даже умиротворенным. Если бы не глубокая рана поперек горла, можно было бы подумать, что он просто решил искупаться, зачем-то надев кольчугу.

Да вот не бывает у купающихся таких синих, раздувшихся морд. Разве что у особо неудачливых.

– Фу, пакость какая. – Эйрик Две Марки перегнулся через борт и отпихнул мертвеца веслом, – Плыви дальше, в гости к Эгиру…

После битвы минуло два дня. Сила сошлась тогда с силой, венды сражались отчаянно, их было больше, но викинги, увидевшие в небесах хозяина Вальхаллы, дрались с бесноватой храбростью.

Вода в гавани Конунгахеллы покраснела от крови, и в бурые волны одно за другим падали тела. Корабли пустели, гибли простые дружинники и конунги, и к вечеру в живых осталась в лучшем случае половина викингов.

Немногочисленные ладьи с уцелевшими вендами спешно уходили на юг.

За ними никто не гнался…

– Куда ты его отправил? – поинтересовался Арнвид Нахохленный, точно старая ворона, он сидел на лавке и. судя по хмурому виду, сочинял вису. – К Эгиру? Думаешь, хозяин вод собирает дружину?

– Он может запросто это сделать, – ответил Две Марки, – думаю, что у Херьяна в чертогах сегодня тесновато и он с радостью поделится воинами…

Викинги принужденно рассмеялись. Невесел был их смех.

Трупов было столько, что вода в заливе воняла тухлятиной, а хищная рыба просто кишмя кишела, обгладывая мертвецов. И все равно те всплывали, словно тщетно пытаясь привлечь внимание живых, но равнодушные волны прибивали их к берегу и к бортам драккаров.

Своих бросали в пылающие второй день костры, сложенные из разломанных на куски вендских ладей. Чужаков отправляли болтыхаться дальше.

– Ну вот, победили, – сказал Две Марки, – и что теперь делать?

Расположившись поодаль от остальных, они втроем сидели на носу драккара. Был вечер, солнце, огромное и красное, будто от гнева, неторопливо закатывалось за горизонт. По воде тянулись алые дорожки. Складывалось такое впечатление, будто светило, покусанное преследующим его волком, истекало кровью.

– То, что хотели, – пожал плечами Арнвид, – плыть на юг. Что бы ни случилось, надо выступать в поход…

– Надо, – согласился Ивар, – только не на юг.

– А куда? – осторожно спросил Эйрик, не показывая удивления.

– Мы поплывем на восток, – Ивар посмотрел сначала на эриля, потом на опытнейшего воина в своей дружине который начал ходить в походы еще до того, как конунг, прозванный Ловкачом, родился. – Туда, откуда приплыли к нам венды…

– И почему? – поинтересовался Арнвид.

– Меха и янтарь ценятся в наших землях не хуже золота, а у вендов их, судя по добыче, как грязи! Заодно узнаем, что именно происходит в их землях, выясним, не солгал ли тот воин…

– Разумно. – Во взгляде Арнвида мелькнул интерес – Только путь туда труден, гораздо сложнее, чем в Бретланд или Валланд, а обитатели берегов Восточного Моря свирепы и отважны, не чета мягкотелым южанам…

– Нам ли говорить о дальнем пути? – неожиданно улыбнулся Эйрик Две Марки, и его морщинистое лицо стало вдруг совсем молодым. – Тем, кто побывал в Миклагарде?

– И действительно. – Эриль тоже улыбнулся, чуть смущенно. – Старею, должно быть!

– Ты еще нас всех переживешь! – убежденно заявил Ивар. Иногда у него возникало подозрение, что такое и вправду может быть: Арнвид Лысый так же будет кашлять и жаловаться на боли в спине тогда, когда сойдут в могилу нынешние юноши,

– Вот это вряд ли, – покачал головой эриль, – лучше послушайте вису, в которой я воспел битву…

Арнвид подобрался, став величественным, как высокая гора, глаза его загорелись, и дружинники, до сего момента гомонившие и смеявшиеся, смолкли.

Строки висы звучали словно набегающий на берег могучий прибой.

И вендов войско
Весла ран разили
Путь китов устлало
Мертвыми телами.
Как по тверди
Рыбам корм обилен
Шли по спинам вой

Скакунов прибоя.

– Воистину, тебе достался добрый глоток меда поэзии! – только и смог сказать Ивар. – А сейчас всем спать! Завтра с утра выходим в море!

Ворча и ругаясь, дружинники принялись расходиться.

Тянущийся по левому борту берег был холмистым и напоминал небрежно брошенную шкуру мохнатого зеленого зверя. Многочисленные речки укладывались в скалистые разрезы, – казалось, утесы иссечены исполинским ножом, достойным самого Тора. Выглядывающие из зелени громадные валуны напоминали лысые черепа поверженных йотунов.

Драккар с алым солнцем на парусе шел на юго-восток, и весла в руках гребцов месили соленую воду. Чайки пронзительно кричали, приветствуя викингов, ветер бросал в лицо клочья пены, и Ивар по привычке чувствовал себя на палубе как дома. Ощущал, что он там. где ему и надлежит быть.

День клонился к вечеру, и нужно было искать место для стоянки.

– Давай к суше, – скомандовал Ивар, когда берег выгнулся играющим котенком, образуя небольшой, но очень удобный заливчик. Острые глаза конунга разглядели впадающий в море ручеек.

Заскрипело рулевое весло, викинги радостно загалдели, предвкушая отдых, а драккар, тяжело переваливаясь с волны на волну, двинулся к берегу. Тот вырос, подступил, обнаружив щетину кустарника, а за ней – торчащие копья высоких темно-зеленых елей.

– Навались!.. – И вода хлюпнула под сапогами Ивара. Вслед за конунгом в море попрыгали дружинники.

Десятки рук ухватились за смоленые борта – и в одно мгновение корабль оказался наполовину вытащен на берег.

Дружинники тут же разбежались в разные стороны – за дровами. У драккара остались лишь те, кому сегодня выпало его охранять. Лица суровы, брови нахмурены, глаза напряженно шарят по сторонам, а ладони сжимают рукоятки мечей. Какая разница, что они всего лишь в землях Гаутланда, в нескольких переходах от Конунгахеллы? Бдеть надо везде и всегда…

Глядя на дружинников, Ивар на мгновение испытал гордость. Выучил их так, что даже командовать почти не надо. Каждый в любой ситуации знает, что ему делать.

– Там! Там! – сначала послышались крики, а потом через кустарник, треща ветвями, проломился Харек по прозвищу Стрела, самый молодой из дружинников. Лицо его побледнело, а губы дрожали.

– Что такое? Говори толком! – рявкнул Арнвид. – Хватит трястись, ты же не баба!

– Это… – Харек до крови закусил губу, видно было, что в его округлившихся глазах плещется ужас – Это.., там деревня! Селение мертвецов!

– Что? – Ивар недоверчиво усмехнулся. – Такого я еще не видел! Веди! Нерейд, со мной!

Любопытному эрилю даже не надо было ничего говорить. Сам увязался, точно хвост за собакой.

Продрались сквозь полосу густого кустарника и, свернув на юго-запад, двинулись вдоль берега. Угрюмо молчали сдвинувшиеся вокруг ели, запах хвои щекотал обоняние, а под сапогами шуршала опавшая хвоя.

А затем серые стволы словно разбежались в стороны, и глазам Ивара открылось селение. Самое обычное, каких множество в Северных Землях, – частокол из заостренных сверху бревен, дома, крытые гонтой. Чуть в стороне – святилище с покосившимися столбами, изображающими асов, плоский серый камень жертвенника, заляпанный пятнами засохшей крови…

Ивар почувствовал, как у него приподнялись на шее волоски, будто шерсть на загривке почуявшего опасность волка.

Не бывает там, где живут люди, такой удушающей тишины. А здесь лишь шуршит в кронах ветер да еще каркают вьющиеся над домами вороны…

– Похоже, что тут похозяйничали венды, – сказал Арнвид, – я вижу темное облако смерти, клубящееся над домами. Здесь нет живых…

– Тогда почему все целое? – поинтересовался Нерейд. – Ну почти…

Частокол местами обвалился, словно его расшатывали, но дома выглядели нетронутыми, хотя обычно во время набега все что можно предается огню.

– Вот уж не знаю, – покачал головой Ивар, бросив взгляд на белого, точно первый снег, Харека. – Пойдем посмотрим…

А за дырой в частоколе их встретили. Воин в шлеме и кольчуге стоял опустив руки, в одной из которых был зажат меч, и голова его бессильно свешивалась на грудь. Вокруг тела со злым жужжанием кружились мухи.

– Ловко придумано! – восхищенно сказал Нерейд. – Его же насадили спиной на кол! А ты испугался, Харек?

– И впрямь, ловко… – процедил Ивар. рассматривая то, что острые глаза Нерейда углядели сразу: толстый кол, вкопанный в землю и удерживающий мертвеца в стоячем положении.

– А вон еще, – негромко бросил Арнвид, и в голосе его звучало безмерное удивление. – Они что, всех так расставили?

Трупы мужчин разместились вдоль частокола – где чаще, где реже. Победители расположили защитников там, где те и погибли. Воины стояли неподвижно, из треснутых кольчуг и ран уже не текла кровь… Лишь хлопали крыльями сидящие на плечах мертвецов вороны, жирные и лоснящиеся, как куски навоза.

А в глубине селения, между домов, виднелись женщины, дети, старики. Те, кто погиб у родных очагов. Ветер шевелил подолы платьев, играл золотистыми прядями и седыми космами.

Они могли бы показаться живыми, если бы не безглазые, черные лица и неподвижность. И не жуткий, густой, точно каша, запах гниющего мяса.

– Это место проклято, – хриплым голосом сказал Арнвид, – я чувствую черные чары! Уйдем!

Когда вышли за частокол, Ивар обнаружил, что он весь вымок от пота. Дышать сразу стало легче, сердце забилось ровнее.

– Зачем они это сделали? – спросил Харек, оказавшийся не таким уж и робким. От подобного зрелища поджилки затрясутся у любого. – Неужели венды поклоняются Хель?

– Нет, не думаю, – покачал головой Арнвид. – В обычном набеге они не стали бы вытворять такое! Но сюда они пришли не просто в набег, они явились, чтобы занять эту землю, отобрать ее у хозяев! И вся эта деревня – грандиозный нид, проклятье для всех обитателей Северных Земель! Волхвы вендов постарались на славу, и если оставить тут все как есть, то скоро от Халогаланда до Ранрики будут гулять болезни и мор, начнутся свары…

– Братья начнут биться друг с другом, родичи близкие в распрях погибнут… – процитировал Нерейд.

– И Хель пройдет в танце по всем Северным Землям, чтобы освободить их для вендов, – кивнул Арнвид.

Ивар вздрогнул, представив, что вот такое могли сотворить с его собственной усадьбой, что Рагнхильд и сыновья будут стоять вот так, мертвые, безглазые…

– Мы должны уничтожить это!.. – выпалил он, ощущая, как в душе закипает ярость.

– Утром, – Арнвид бросил усталый взор на темнеющий небосклон, – сейчас не то время…

К драккару вернулись мрачные, даже с лица Нерейда пропала вечная улыбка.

– Долго он еще?.. – в сотый раз начинал бурчать Нерейд, наблюдая за неторопливыми действиями эриля.

Тот, в очередной раз обходя вокруг всего частокола чертил ножом на земле длиннющий круг, составленный из рун. Начал Арнвид на рассвете, а сейчас солнце стояло в зените и ощутимо припекало.

– Если надо, то мы проторчим тут весь день, – мягко сказал Ивар, не отрывая взгляд от эриля, около которого суетился ученик, – Ингьяльд Большая Рука. – Так что довольно ныть…

– Я перестану, – Нерейд вздохнул, почесал голову, – как пытался уже двадцать раз кряду… Только не помогает!

Прочих дружинников Ивар от мертвого селения прогнал. Нечего бродить вокруг, мешать эрилю.

– Все, – распрямившись, Арнвид облапил поясницу и закряхтел, изображая ужасные мучения, – сейчас все сделаем.

Ивар ухватил Нерейда за плечо и оттащил на десяток шагов назад, к самой опушке. В обращении с чарами лучше всего соблюдать одно правило – держаться от них подальше. Если ты не эриль. конечно. Ингьяльд стал рядом с наставником, оба подняли руки. Задрав головы, точно тюлени, принялись декламировать на два голоса. Слова были неразборчивы, да Ивар особенно и не стремился их понять.

Ветер, до сего мгновения весело свистевший в тишине, смолк. Серые тучи, неторопливо плывшие на восток, остановились и налились тяжелой, почти ночной чернотой.

Глухое ворчание донеслось сверху, точно там сталкивались огромные каменные глыбы. Земля вздрогнула, потом еще раз, будто, по ней катилось что-то исполинское, тяжелое.

– Торррр! – рявкнул Арнвид.

И небо ответило. Из самой темной тучи ударила серебристо-белая, ослепительно яркая молния. Точно стрела, она упала где-то внутри частокола, заставила землю вздрогнуть еще раз, будто истязаемое животное, и постройки мертвой деревни, все сразу, охватило пламя.

Яркое, живое, оранжевое.

Тучи прянули в стороны, свежий ветер овеял лицо.

– Все, теперь тут чисто! Нид уничтожен! – проговорил Арнвид, блаженно созерцая пожар. Лицо эриля было изнуренным, и ученик поддерживал его под руку, ненавязчиво, но довольно крепко.

– Слава Харбарду, что все удачно закончилось, – сказал Ивар, – а теперь мы отплываем!

– Давно пора, – проворчал Нерейд, в очередной раз нарушив свое обещание бросить нытье, – а то разлеглись на берегу, точно стельные коровы…

На этот раз конунг не стал его одергивать.

В таверне было душно и воняло тухлым мясом, а пиво в кружке мало чем отличалось от собачьей мочи. Но все же Ивар сидел, наслаждаясь почти забытым ощущением того, что на него никто не таращится. Здесь, в Аросе, главном порте Йотланда, мало кто слышал о конунге по имени Ивар Ловкач.

– Может, уйдем? – вздохнул Нерейд, с откровенной тоской заглядывая в кружку. – Как можно это пить и не повеситься?

– Тут важна привычка, – предположил Сигфред, второй дружинник, которого Ивар взял с собой в город, – пьешь такое, пьешь, а потом начинаешь думать, что ничего лучше и не бывает…

– Поганая привычка! – Нерейда аж передернуло. Должно быть, он представил, что ему придется всю жизнь пить такое пиво.

– Да! Я расскажу вам… ик… ик… – Расположившийся за соседним столом вислоусый викинг, глаза которого пребывали где-то возле переносицы, захлебнулся словами, – О знаменитом конунге, который за один день… ик… ик… сжег в Бретланде пятнадцать селений!

Судя по постоянной икоте, вислоусого кто-то вспоминал, и не самыми добрыми словами.

– О ком это он? – заинтересовался Нерейд. – О Рагнаре Кожаные Штаны?

– Расскажи! – не стал спорить собутыльник вислоусого, чья лысина смахивала на замшелый валун, – Кто это? Халли Свирепый?

– Не! – Вислоусый с презрением отверг подобное предположение. – Его зовут ик… ик… Ивар Ловкач! Когда он возвращается из похода, то его драккары так нагружены золотом, что борта едва возвышаются над волнами!

Нерейд расхохотался.

– Ты что, не веришь? – спросил вислоусый с обидой. Нерейд, высокий и плечистый, смотрел на рассказчика улыбаясь. В его усмешке крылся намек на издевку, а рыжие кудри разметались по плечам точно свора задремавших змей, готовых проснуться и укусить по первому приказу.

– Нет, что ты, – сказал он, обнажая в усмешке белые и острые, как у волка, зубы. Годы избороздили лицо Болтуна морщинами, но не изменили нрава, – Нагружены золотом, конечно…

– Жаль, что только мы об этом ничего не знаем, – добавил Сигфред, но так тихо, чтобы не было слышно за соседним столом.

– Вот! – Вислоусый победоносно вскинул руку, – Рыжий и то понимает! Ик… Ивар Ловкач – это о-го-го! Он первым доплыл до Миклагарда, он убил драконов больше, чем ты мух! Ик!..

– Враки! – подал голос третий из славной компании, который оставался в сидячем положении только благодаря тому, что обеими руками держался за кружку. – Мух я убил больше.

– Хоть в чем-то не врут, – пробормотал Ивар, радуясь, что в полутьме не видно, как пылают его уши. Нерейд и Сигфред просто давились от смеха.

– Может быть, – не сдавался вислоусый поклонник Ловкача. – Но зато… ик… Ивар зарезал йотуна лопатой и выкрал жену у конунга Миклагарда!

Ивар крякнул. Сигфред зажал себе рот ладонью, глаза его выпучились, а лицо побагровело. Щеки раздулись, грозя лопнуть. Нерейд с утробным стоном сполз под стол, и скверно струганная столешница затряслась мелкой дрожью: рыжий викинг веселился вовсю…

– Смейтесь-смейтесь, – угрожающе сказал Ивар, сам с трудом сдерживая смех. – Потом я вам припомню…

– Лопатой?.. – изумлялся тем временем лысый. – Йотуна?

– Ага, прямо в сердце! – кивнул вислоусый.

– Не верю! – не сдавался лысый, который либо отличался недоверчивостью, либо выпил меньше других. – Йотун – он же каменный, как его лопатой можно?..

Оглядевшись в поисках поддержки, он, несмотря на полутьму, обнаружил Ивара:

– Эй, ты. парень, вот скажи, слышал ли ты про конунга по прозвищу Ловкач?

– Слышал, – ответил Ивар, борясь с улыбкой, которая норовила выползти на лицо.

– А вот правда, что он йотуна лопатой убил?

– Нет, вранье, – уверенно покачал головой Ивар, – лопатой он зарезал дракона, а йотуна насмерть забил веником…

– Веником? – Судя по недоуменной мине, лысый никак не мог сообразить, издеваются над ним или нет.

– Не могу больше! – Из-под стола с ревом выкатился Нерейд, чуть не сшиб вислоусого, который забился в новом приступе икоты, и выскочил на улицу. Дверь оглушительно хлопнула.

Третий из славной компании любителей правдивых историй выпустил кружку и с железным грохотом рухнул на пол. Настоящие морские волки не снимают кольчуг даже во время пьянки.

Из-за двери слышался удаляющийся хохот.

– Что это с ним? – осведомился вислоусый.

– Да так, – вставая из-за стола, бросил Ивар, – не обращайте внимания.

Он кинул на стол монету, та призывно зазвенела. Сигфред поднялся вслед за конунгом, по щекам его плыли алые пятна, а губы подрагивали, но рука уже лежала на мече.

– Забавно было послушать про себя столь занятные байки, – сказал Ивар, огибая стол, за которым засела пьяная троица. – Пусть удача не оставит ваши длинные языки!

– Что? – изумленно вопросил вислоусый, даже перестав икать, – Про себя?

Стукнула дверь, выпуская Ивара и Сигфреда, и в таверне стало тихо. Слышалось только, как бурчит в животе у хозяина, который предусмотрительно затаился около бочки с пивом.

– Эй, Энунд! – Лысый сделал попытку разбудить валяющегося на полу собутыльника, – Ты понял? Это был сам Ивар Ловкач!

В ответ раздался громкий и выразительный храп.

Глава 2
ЧУЖИЕ БОГИ

Выступившие из моря берега были так высоки, что казались стенами поднимающейся над волнами крепости. Скалистые утесы грозно и безразлично взирали на крошечный по сравнению с ними драккар…

Корабль викингов держал путь к острову, заселенному вендским племенем руян, но шторм, бушевавший два дня около берегов Гаутланда, отнес судно далеко на юг.

– Рюген, – с благоговением сказал Арнвид, нервно теребя куцую бороденку, – тут я давно хотел побывать…

– Вот и побываешь, – усмехнулся Эйрик Две Марки.

– Как бы не в качестве пленника, – проговорил эриль, и рука его поднялась, указывая в сторону острова: – Смотри!

От Рюгена, с нерукотворных бастионов которого море просматривалось далеко, к драккару двигалось несколько кораблей. Пока они выглядели черными точками, но ясно было, что дружине, измученной двухдневным сражением со стихией, уйти от них просто не хватит сил.

– Вооружайтесь! – коротко бросил Ивар. – Что бы ни послала нам судьба, встретить это нужно достойно!

Черные точки выросли, превратившись в странные корабли, напоминающие плод противоестественного союза драккара и ладьи.

– Ничего себе! – Завидев подобное чудо, Нерейд вознамерился поскрести затылок, но пальцы со скрежетом проехались по кольчужной сетке. – Это они ловко придумали!

– Ловко или не ловко, а в строй становись, – пробурчал Эйрик Две Марки.

Глухо рокотали, оглаживая борта, волны. Нерейд насвистывал, натягивал на лук тетиву Харек Стрела, заработавший прозвище не только из-за быстроты в беге. Кари, бездумно уставившись в низкое, покрытое рваными полотнищами облаков небо, поглаживал рукоять меча, длинного как весло.

Дружина Ивара готовилась сражаться.

Корабли с Рюгена, ловко развернувшись, взяли драккар в клещи. На носу одного из них появился высокий, могучего сложения воин в блистающем коническом шлеме.

– Кто вы? – прокатился над морем мощный, рокочущий, точно прибой, голос – Что нужно вам в наших водах?

– Мое имя Ивар Ловкач, – ответил Ивар спокойно. – К Рюгену мой драккар занесло штормом!

– Ой не лги мне!.. – В голосе венда чувствовалось подозрение. – Многие стремятся сюда, чтобы грабить, и, лишь столкнувшись с силой наших дружин, теряют смелость!..

– Ты обвиняешь меня во лжи и трусости?.. – Ивар вложил в ответ столько презрения, сколько смог. – Тогда не трать время на слова! Пусть за нас говорят наши мечи!..

Наступила пауза. Конунг вендов, похоже, беседовал с кем-то из советников, а когда заговорил вновь, то слова его звучали куда более миролюбиво.

– Ты смел, Ивар Ловкач! Будь нашим гостем!

– Не откажусь. – Ивар услышал, как в один голос облегченно и вместе с тем чуть разочарованно вздохнули его дружинники. – А как твое имя?

– Меня зовут Асмундом, – громыхнуло в ответ. – Веди корабль вслед за моим!

– Имя-то вроде наше, – стаскивая шлем, пробормотал Ивар.

– А на Рюгене кого только нет, – охотно откликнулся Арнвид. – И венды, и выходцы с Востока, и из Северных Земель. Местные конунги привечают любого, был бы умелым воином,

тороватым купцом или же знающим эрилем. Вот почему уже сотни лет эта земля процветает и сам главный бог вендов, Свентовит, избрал остров для святилища!

– Тоже скажешь – бог! – фыркнул Нереид, – Скорее жрецы, которых первыми режут во время войн!.. А тут их, видать, давно не случалось, все тихо, вот и удрали, спасая жирные задницы от чужих мечей…

– Возможно, ты и прав, Болтун, – охладил пыл спорщиков Ивар, – но сейчас ты в гостях и будешь держать язык на привязи, иначе я его тебе укорочу. Ясно?

– Ясно, чего уж там, – притворно смутился рыжий викинг. – Буду нем как дохлая рыба!

Последнему обещанию поверил бы разве что трехлетний ребенок.

Весла пенили темные, словно крепкое пиво, воды, и мимо медленно проплывали исполинские, серые тела скал. Потом они раздвинулись, обнажив уходящий в глубь суши язык гавани. На ее берегу виднелся город, обнесенный высокой и крепкой стеной.

– Славно они тут устроились, – проворчал стоящий рядом с Иваром Арнвид. – Мне бы хотелось тут жить!

– Неплохо, – ответил Ивар, чувствуя себя довольно странно. Впервые за годы странствий он встретил место настолько же уютное, как Гаулардаль, и куда более красивое. Почему-то стало обидно за тот край, который конунг считал домом. – Но жить бы я тут не стал!

– Каждому свое, – отозвался Арнвид со странной интонацией.

Асмунд вел корабль гостей к отдельно расположенному причалу. Тут стояли суда хищных очертаний, мало подходящие для торговли, годившиеся разве что для стремительных набегов.

– И они тут не чураются пограбить, – пробормотал эриль. – Все как у людей…

Нос драккара с грохотом ткнулся в причал, драконья голова чуть качнулась. Ивар, не дожидаясь швартовки, перебрался через борт. Отправляясь на переговоры, шлем снял, но кольчугу оставил. И верный меч, чью смертоносность изведали многие, оттягивал пояс.

Он не оглядывался, но знал, что за спиной, как всегда, Арнвид и Гудред. Остальные, под командованием Эйрика, на корабле. С оружием в руках, готовые ко всему.

Ивара ждали. Поспешно строились воины в длинных кольчугах и шлемах с наносниками, блестели щиты с изображением пикирующего сокола, копья упирались древками в причал.

Впереди строя выступил воин, немногим уступающий статью Кари. Русая бородища спадала ему на грудь, могучее пузо обтягивала кольчуга, а секирой, на которую великан небрежно опирался, можно было срубить Мировой Ясень.

Скорее всего, это был сам Асмунд

– Исполать гостям!.. – пророкотал обладатель секиры. – Я воевода нашего князя, приветствую вас на земле Руяна. Сам князь Рюрик прибудет завтра, ему послали весть… Если желаете, то можете сойти на берег,

– Мы лучше проведем ночь на корабле, – сказал Ивар, кивнув. В словах воеводы не было враждебности, но не чувствовалось и дружелюбия. Он, скорее всего, просто не знал, что делать с чужаками.

– Хорошо, – Асмунд приподнял секиру, отчего доски причала облегченно скрипнули, а на руке воеводы вздулись могучие мышцы, – но не пытайтесь сбежать! Камни в устье гавани отправят на дно любого, кто не знает прохода!

– Я понял тебя, – Ивар кивнул еще раз.

– Ну и гостеприимство у них тут! – усмехнулся Гудред, когда они вернулись к драккару.

– Какое гостеприимство? – махнул рукой эриль – Мы в плену! Завтра приедет конунг острова и решит, что с нами делать.

– Это точно, – согласился Ивар. – Так что до утра волноваться не о чем.

Князь прибыл в полдень. К этому времени викинги успели выспаться, вдосталь назвенеться мечами в учебных схватках и даже выслушать несколько саг.

Когда же солнце выбралось в зенит, по причалу пронеслось шевеление, и Ивар неожиданно обнаружил, что у носа его драккара стоит, внимательно посматривая на викингов, невысокий, но довольно широкоплечий воин в роскошном плаще из куньего меха.

За его спиной тесно, словно в воинском строю, расположились трое благообразных старцев с длинными седыми бородами. Глаза их были свирепы, а посохи, которые деды сжимали в руках, годились для того, чтобы глушить медведей. Хламиды из белой ткани украшали замысловатые вышивки.

Князь. И жрецы Свентовита.

– Приветствую тебя, конунг Рюгена, – сказал Ивар, подходя к борту. Столкнувшись со спокойными, очень светлыми глазами правителя острова, он невольно вспомнил Хаука Льда, своего предшественника на месте главы дружины. А взгляды служителей воинственного вендского бога заставляли ежиться. Ощущение было такое, словно во внутренностях копаются холодные, ловкие пальцы…

Сзади неслышно подкрался Арнвид, и чужие пальцы тут же отдернулись.

– Привет и тебе, конунг Ивар Ловкач, – глубоким и звучным голосом ответил Рюрик. – О тебе слышали даже на нашем острове.

– Вопрос в том, что именно слышали, – Ивар демонстративно положил ладонь на рукоять меча, – и что по этому поводу думают…

Средний из троих старцев что-то зашептал на ухо князю.

– Вот они, истинные хозяева острова, – негромко проговорил Арнвид. – Как они скажут, так и будет!

Рюрик выслушал священнослужителя, и в глазах его возникло удивленное выражение.

– Хорошо, – проговорил он, когда старец замолчал. – Я верю, что нет у вас злых намерений, и, будь только моя воля, просто отпустил бы вас…

Ивар услышал, как засопел Арнвид. Сердце слегка екнуло, чуя недоброе.

– Но служители могучего Свентовита, да будет над нами его благоволение, – последние слова дались Рюрику явно с трудом, – приглашают вас посетить Аркону, святой город.

– А если мы откажемся?

– Боюсь, что тогда злые намерения у вас все же обнаружатся, – князь развел руками, – а с теми, кто их питает у нас разговор короткий.

– Хорошо, мы поедем, – кивнул Ивар. – Арнвид, Гудред, за мной! Две Марки, корабль на тебе!

Он не обернулся, прекрасно зная, что названные последуют за ним, а Эйрик в отсутствие конунга без особого труда совладает с буйными дружинниками.

– Долго ли ехать? – спросил Ивар, когда им подвели коней.

– К вечеру вернетесь, – густым, точно похлебка, заправленная мукой, голосом ответил один из служителей Свентовита.

– Точно вернемся? – осведомился Гудред.

– Точно, – отозвался князь. – Свентовит приемлет человеческие жертвы, но ему угодны только пленники, взятые в честном бою.

– Устроить честный бой никогда не поздно, – пробормотал Арнвид, но так тихо, что его услышали только свои.

Гавань быстро осталась позади. Копыта глухо стучали по каменистой почве. Княжеская свита взяла викингов в кольцо, со всех сторон северян окружили вооруженные всадники.

Ивар не обратил на это внимания. Если бы его хотели убить, то могли сделать это раньше. Гораздо больше заботили конунга замыслы местных жрецов – зачем им вздумалось приглашать конунга вольной дружины в Аркону? Что ждет его в храме, слава о чудесах которого достигла даже Трандхейма?

Дорога вилась между скал, неприветливых, будто свирепая рожа убийцы. За ними потянулись пустоши, голые, открытые всем ветрам. Изредка попадающиеся перелески казались чужеродными, словно островки снега среди жаркой пустыни,

Аркону они увидели издалека. Над холмами поднялись исполинские, блестящие, словно изо льда сложенные, стены. Ни один враг за те столетия, что стоял храм, не смог даже приблизиться к ним.

– Ничего себе, – прошептал Гудред, когда путники подъехали ближе и стало видно, насколько на самом деле велики стены. – Как же это строили? В Миклагарде и то все меньше!

– Бог дает силы тем, кто верует в него! – строго сказал один из служителей Свентовита, и глаза его сверкнули. – А мощь его велика!

– Это мы видим, – хмыкнул Арнвид.

Ворота представляли собой проем, лишенный всяких створок. Мимо проплыли стены, видны были щели между блоками камня, такие узкие, что в них не удалось бы просунуть и лезвие ножа.

За стеной гостей остановили. Перед мордами коней засверкали блестящие лезвия секир, которыми поигрывали стражники в одеяниях жрецов.

– Дальше верхом нельзя, – пророкотал старший из волхвов, и кавалькада затопталась на месте.

Князь первым спрыгнул с седла, за ним последовала свита. Ивар слез неторопливо, с достоинством.

– Идите за мной, – пригласил главный жрец. Посохи служителей Свентовита стучали по каменным плитам. Ивар шагал за волхвами, стараясь не слишком вертеть головой, обозревая святой для каждого венда город. Кроме конунга внутрь пустили его спутников да еще князя с парой телохранителей. Все прочие остались возле коней.

Внутри стен расположился небольшой городок, очень тихий и чистый. Из одинаковых, рубленных из бревен домов не доносилось ни смеха, ни разговоров, даже лая собак или детского плача. Ветер гонял запах теплого хлеба, издалека доносился приглушенный лязг – где-то рядом трудился кузнец.

– Тихо-то как, – прошептал Гудред, озираясь. Во взгляде его светилась тревога.

– Здесь живут только волхвы, служащие Свентовиту, – неожиданно ответил Рюрик – Тут нет женщин, нет детей, даже скотину здесь не держат. Откуда взяться шуму и грязи?

Ивар не особенно вслушивался в разговор. Глаза его были прикованы к громадному сооружению, которое вздымалось над бревенчатыми избами подобно серой горе. Оно походило скорее на крепость, сложенную из массивных каменных плит, чем на святилище.

И тем не менее крепостью быть не могло.

Храм нависал над Арконой, и грозной мощью веяло от его степ.

– Се обиталище бога нашего, – сказал один из волхвов, и Ивар готов был согласиться, что если бог решил поселиться на земле, то обиталище его должно выглядеть именно так, а никак иначе.

– Что вам от нас нужно? – спросил он, впившись взором в удивительно молодые, блестящие гневом глаза, странно выделявшиеся на морщинистом, очень старом лице служителя Свентовита.

– Мне – ничего, – просто ответил тот. – Был знак, что гости с севера должны войти в обиталище бога, а там он явит им свою волю…

– Гости с севера? – воскликнул Арнвид. – Клянусь копьем Ялька! Так вот почему я не смог справиться с той бурей!.. Что руны против силы бога?!

– Идите и не теряйте времени. – Сучковатый посох поднялся, указывая на тяжелые, окованные золотом створки храмовых ворот, которые как раз начали открываться.

Протяжный, надсадный скрип разнесся над Арконой.

– Идем, и да помогут нам все асы, – сказал Ивар. Твердым шагом викинги миновали ворота. Те с тяжелым гулом захлопнулись за их спинами.

Внутри огромного строения было полутемно. Слабый, рассеянный свет проникал через отверстия где-то у самой крыши, выхватывая из мрака очертания колоссальной статуи. Можно было разглядеть ее подчеркнуто мужские атрибуты, слегка светилось лезвие меча, длиной превосходящего мачту. В левой руке Свентовит держал что-то непонятное.

Ноздри уловили слабый аромат благовоний.

– Ну и где тут… – начал было Арнвид.

Храм вздрогнул, порыв горячего ветра ударил снизу, словно примчался из самой глубины земли. Сами собой вспыхнули на стенах факелы, яркий, трепещущий свет упал на статую.

Стало видно, что в шуйце у бога – громадный рог, что торс его облегает панцирь, каждая пластинка в котором больше щита, а на широких плечах сидят три головы: в центре – человеческая, слева – медвежья, а справа – петушиная.

На мгновение Ивару показалось, что блестящие птичьи глаза открыты и рассматривают его с жадным вниманием. Конунг судорожно сглотнул.

– Клянусь клинком! – пискнул Гудред каким-то детским, тонким голосом. – Он двигается! Двигается!

Лучащаяся золотом фигура исполина дрогнула. С металлическим лязгом пошевелилась груда сваленных у ног Свентовита боевых трофеев – щитов, мечей, шлемов…

А потом Ивар «услышал» голос. Он не звучал в ушах, просто перед глазами вспыхивали образы. Яркие, живые, они неслись стремительным потоком, сменяя друг друга и заставляя тело трястись.

В них мелькала какая-то плоская, поросшая травой поверхность, высящиеся над ней горы, скачущие всадники. Над горизонтом за их спинами поднималась тьма, складываясь в уродливое облако.

«Ты должен идти на юг», – понял Ивар, будучи не в силах пошевелиться. Он видел перед собой уже не статую, а бога. Глаза Свентовита были открыты, и хлещущий из них синий пламень ослеплял.

Даже мысли не возникло о том, чтобы ослушаться этого приказа. Достоинство предводителя викингов и прочие человеческие чувства оказались сметены, отброшены в сторону давящей силой.

И вновь замелькали образы, из которых Ивар не понимал почти ничего. Его трясло все сильнее, по лицу струился пот, и только гордость удерживала от того, чтобы рухнуть на колени.

«Иди и уничтожь!» – было последнее, что «услышал» Ивар. Клинок в руке Свентовита с обманчивой медлительностью взметнулся, а потом рухнул. Лезвие, острое настолько, что смогло бы разрубить волосок, летело прямо в лицо конунгу. Тот невольно сморгнул, а когда открыл глаза, то вокруг вновь царил полумрак. Где-то в нем пряталась статуя.

Теперь уже действительно только статуя.

– Вы… кх-хе… слышали? – Язык повиновался Ивару с трудом, как и все тело.

– Что? – Арнвид выглядел таким ошеломленным, словно проглотил пиявку. – Видел слепящий огонь, но было тихо…

– И я ничего не слышал, – пожал плечами Гудред. – Только скрип, когда исполин этот двигался.

– А что слышал ты? – Эриль сохранил бы любопытство, даже попав в Хель. Там он принялся бы задавать вопросы дракону Нидхеггу и прочим «дружелюбным» обитателям Темного Мира.

– Потом расскажу, – ответил Ивар, поворачиваясь к воротам, которые уже начали открываться. Непонятно какой частью тела, но жрецы явно чуяли, что гостей пора выпускать из храма.

Ноги еще дрожали, но на вольный воздух Ивар сумел выйти достаточно твердой походкой, а на лицо успел натянуть обычное невозмутимое выражение. Служители Свентовита поглядели на него с изумлением, князь – чуть не с ужасом.

– Что сказал тебе бог? – проскрежетал старший из волхвов.

– Да так, за жизнь поболтали, – хладнокровно ответил Ивар. – Кое-кому из ваших перемыли кости!

Священнослужители стали похожи на удивленных сов. Один скромно потупился, – видимо, у него имелись за душой грешки, о которых он предпочел бы умолчать.

Ясно было, что конунг нагло врет, скрывая тему беседы, но допрашивать человека, которого удостоил вниманием сам Свентовит, его слугам было неловко.

– Так что, мы свободны? – поинтересовался конунг. – Или есть еще боги, которые хотят побеседовать со мной?

Кто-то из младших волхвов поперхнулся, пораженный наглостью чужака. Прочие стояли, не в силах пошевелиться от удивления и ужаса. Ждали, когда бог поразит дерзкого.

Но тот почему-то медлил.

– Ты свободен, вне всякого сомнения, – спас положение князь. – Мы можем отправляться!

Взгляд, который главный волхв бросил на Рюрика, был отнюдь не дружелюбным, но в нем проскользнула благодарность.

– Да будет с вами милость Свентовита, – сказал старик, поднимая руку в благословляющем жесте. – Поезжайте!

– Так о чем ты там болтал с этим трехголовым? – спросил Арнвид, когда они сели в седла и выбрались за пределы Арконы.

– Он чего-то от меня добивался. – Воспоминания о том, что произошло в святилище, были болезненными для самолюбия. – Приказал двинуться на юг, за земли вендов…

– Туда, где кипят свары?

– Да, и даже южнее, где нет леса. – Ивар помолчал, вспоминая. – Оттуда поднимается то зло, которое заставляет вендские племена воевать с соседями и между собой.

– И что ты думаешь делать? – Эриль наморщил лоб: в лысой голове стремительно крутились мысли.

– Мы, вольные викинги, не служим никому! – ответил Ивар тяжело и гневно. – Даже богам! Я буду делать лишь то, что нужно мне как конунгу и моей дружине! Пусть Свентовит поищет себе других слуг!

Иссиня-черная туча, плывущая над южным горизонтом, украсилась полосками золотистых молний, а прокатившийся в вышине гром подозрительно напоминал издевательский смех.

– Похоже, что он с тобой не согласен, – усмехнулся Арнвид, но в его блеклых глазах уже тлела тревога.

Чуть придержав коня, с беседующими поравнялся князь, и эриль тут же отстал, разумно полагая, что вождей лучше оставить наедине.

– Куда собирается плыть Ивар Ловкач? – поинтересовался Рюрик.

– Еще не решил, – ответил Ивар, разглядывая собеседника. Тот был молод, но на юношеском лице читалась решительность, умение отдавать приказы и вести за собой. Перед конунгом был правитель, которому наверняка покажется мало крохотного Рюгена и который вполне может, несмотря на возможные опасности, отправиться завоевывать земли за морем. – Может быть, на юг…

– Туда не стоит. – Князь покачал головой. – Везде война, лютичи сражаются с бодричами, пруссы с литами… Все, что можно разграбить, разграблено, на месте селений – пепелища, и целые племена вырезаны под корень!

– И давно это началось?

– Тому лет пять, – ответил князь, оглаживая гладко выбритый подбородок, – Заволновались южные племена, прижатые степняками, иные из них двинулись на север, тесня соседей. Рубежи, соблюдавшиеся веками, оказались нарушены. С юга, как говорят, – тут лицо Рюрика потемнело, глаза посерьезнели, – надвигается что-то страшное, но что именно, не ведают наши лучшие волхвы…

– Понятно, юг отпадает, – кивнул Ивар, для которого рассказ князя оказался неприятным подтверждением того, что венды на самом деле могут двинуться на север. – И куда в этом случае можно направиться морским удальцам в поисках добычи и славы?

– На восток, – не задумываясь ответил Рюрик, – Многие воины нашли там богатство и славу, а если ты не побывал в Великом Новгороде, то потерял многое…

– Это в Хольмгарде? – поинтересовался Ивар.

– Да, у вас его так называют. Это самый большой город восточных земель! Им правят купцы, и они настолько богаты, что могут нанимать вольные дружины и даже князей, чтобы те защищали их от набегов соседей!

– Ничего себе! – В душу конунга закралось нехорошее подозрение, что, побывав в Миклагарде и Багдаде, он не сможет миновать Хольмгарда. – И купцы хорошо платят?!

– Достаточно, чтобы вольные конунги становились стражниками. – В глазах Рюрика на мгновение мелькнула непонятная тоска и тут же исчезла.

Дальнейший путь проделали в молчании.

Небосклон потихоньку темнел, кони начали выказывать признаки усталости и едва перебирали копытами, когда впереди показалась гавань.

– Удачи тебе, конунг, – сказал Рюрик, когда Ивар спрыгнул с седла.

– И тебе, князь, – ответил Ловкач, ощущая, как после дня, проведенного в седле, гудят отвыкшие от долгой скачки ноги. – Пусть не встретимся мы с тобой как враги!

Рюрик смотрел в прямую спину удаляющегося викинга, и чудная мысль вертелась в голове властителя Руяна – если бы ему пришлось убить этого конунга, пусть даже по приказу Свентовита, то он никогда бы себе этого не простил.

Особенно нахальная волна, изящно вскинув гребень, увенчанный белой пеной, разбилась о нос драккара, и Ивара обдало брызгами. Проморгавшись от соленой влаги, он вновь вглядeлся в тянущуюся до горизонта серую, окутанную туманом равнину моря и едва не вздрогнул – там, где только что ничего не было, темнело крошечное пятнышко.

– Нерейд, ко мне! – приказал конунг. – Глянь, чего это там?

Болтун всегда славился остротой взора, и притупить его оказались бессильны даже годы.

– Пока не различаю, – вглядевшись в горизонт, сказал он, – Но что-то там болтается, небольшая лодка или плот…

После того как отошли от Рюгена, викинги двинулись на юг, а достигнув берега, повернули на восток. Рюрик не обманул – в этих краях полыхала война. Над сушей там и сям поднимались столбы дыма, а попытка войти в устье небольшой речки с целью слегка пограбить закончилась тем, что драккару пришлось на всех веслах улепетывать сразу от трех ладей.

– Никак кто-то в шторм попал, – пробурчал объявившийся рядом эриль. – Спасается на обломках…

– Сейчас узнаем, – ответил Ивар.

От негостеприимных берегов пришлось отплыть подальше, и последние дни драккар шел открытым морем. Восточный Путь встречал викингов неприветливо – серая хмарь облаков висела над бурлящими, словно пузо обжоры, волнами. Горизонт был пустынен – ни единого суденышка.

Сегодняшняя встреча оказалась первой.

Черное пятнышко приблизилось, выросло и превратилось в довольно широкий плот, связанный из толстенных, в обхват, бревен. Волны шипели, облизывая их края, а в середке плота сидел, уставившись куда-то вдаль, бородатый мужик в богатой, хоть и мокрой, одежде.

Ветер на мгновение стих, словно решая, что ему делать, а потом вдруг подул в другую сторону, принеся мощный, красивый голос: «Ой, то не вечер, то не вееечер! Мне малым-мало спалоооось!»

– Мама, – потрясенно сказал Арнвид, – клянусь задницей Тунда, он же поет!

– Понятно, что не пляшет! – усмехнулся со своей лавки Нерейд. – Попробуй станцуй при такой качке!

Дружинники, удивленные невиданным зрелищем, побросали весла и сгрудились на носу, галдя, точно любопытные дети. Ивар не стал им препятствовать.

– Мне малым-мало спалооось! Ой, да во сне привиделооось! – не прекращал надрываться бородач.

Драккар продолжал по инерции скользить вперед, разрезая волны. Плот приближался. Оружия у его обитателя не было видно, зато на коленях он держал доску с натянутыми на ней струнами. Руки бородача плавно скользили над доской, и вскоре стало слышно, что пение сопровождается музыкой. Нежные, мелодичные звуки плыли над морем.

– Да он сумасшедший! – буркнул кто-то из викингов.

– А ну на весла! И табанить! – негромко, но грозно велел Ивар. после чего перегнулся через борт и крикнул: – Эй, певец! Давай перебирайся к нам на борт, хватит трястись на этой развалине!

Он тоже был изумлен – не каждый день встретишь среди потерпевших крушение таких любителей пения, но виду не показывал. Не к лицу конунгу удивляться всякой ерунде.

Бородач прекратил петь и повернулся к драккару, который медленно останавливался. Взгляд обитателя плота казался отрешенным, а лицо было спокойным, точно он сидел не среди моря, а в собственной усадьбе.

– Спасибо, доблестные воины, – проговорил он голосом могучим, точно звук рога. – Но судьба моя такова, что должен я носиться по волнам и услаждать музыкой Царя Морского!

Викинги изумленно загудели.

– Клянусь подолом Фрейи, который так часто задирался, это ушибленный богами, – прорезался в общем гомоне ехидный голос Нерейда.

– Кого? Царя Морского? – задумался Арнвид, – Это он Ньерда так называет, что ли? Или Эгира?..

– Надрывать глотку можно и на корабле, – продолжал уговаривать Ивар. – Перебирайся к нам! В компании будет веселее!

Обделенных богами людей обижать не следует, и если у кого асы забрали разум, то такому человеку нужно помогать – это знает каждый в Северных Землях. Но бородатый безумец не собирался принимать помощь.

– Нет! – прогудел он, – Оставьте меня наедине с судьбой! Музыка и волны – все, что мне нужно!

– Вот меломан! – не совсем ясно выругался Арнвид, после чего повысил голос: – А если мы спасем тебя силой?

– И не пробуйте! – Руки бородача ударили по струнам, те запели грозно и величественно. Ветер, примчавшийся непонятно откуда, взревел раненым вепрем, волны загустели, из серых превратились в черные и принялись расти, грозя поглотить драккар, небо стремительно потемнело.

– Все! Все!.. – крикнул Ивар, перекрывая гул стихии, – Мы неудачно пошутили!

– Да он эриль! – сообразил догадливый Арнвид.

– Все теперь понятно, – вновь не упустил случая высказаться Нерейд. – Они все слегка с придурью, и чем эриль сильнее – тем дурнее. А этот, судя по всему, самый могучий!

Струны прекратили петь, волны покорно утихли, пропал, словно его и не было, ветер.

– Давай на весла! – распорядился Ивар, после чего вновь повернулся к плоту: – Назови хотя бы свое имя!

Родом я из словен новгородских, – нараспев ответил обитатель плота, – а имя мне Садко! Был я когда-то купцом, а ныне стал певцом!

– Вот и пойми загадочную словенскую душу, – почесывая лысину, задумчиво сказал Арнвид.

Плот удалялся, превратился в точку, а зачем и вовсе пропал за той серой линией, где сливаются море и небо.

– Да!.. – В этот момент Ивар повернулся к эрилю. – Как ты там его назвал? Меломан?.. Что это значит?

– Хм… – Арнвид напрягся, глаза суетливо забегали, точно две мыши, пойманные в момент похищения зерна из кладовой, – Это значит… человек мела, певец… ты же знаешь, что толченый мел пьют, чтобы обрести красивый голос?

Ивар вздохнул и отвернулся. Время от времени эриль начинал плести околесицу, которую сам не до конца понимал, и тогда его приходилось просто терпеть.

Впереди был берег, низкий и песчаный, и волны пробовали его на вкус десятками соленых языков, словно грязно-белый, цвета весеннего снега, песок был изысканным лакомством.

За пляжем виднелся лес, странный и уродливый. Кривые деревья корчились над землей, будто их мучил ревматизм, а листва казалась мокрой и обвисшей, точно волосы утопленницы.

– Что это за страна? Как думаешь? – Конунг с эрилем стояли на носу драккара и в две пары глаз разглядывали открывшуюся землю.

– Кто же его знает, – многомудро зевнув, ответствовал Арнвид. – Может быть, владения пруссов, а может быть, и Курланд…

– Пользы от тебя как от дырявого ведра на пожаре, – покачал головой Ивар.

Эриль обиженно засопел, явно подражая медведю, которого в нос укусила пчела.

– Не могу я знать всего! – буркнул он.

Один пляж сменялся другим, столь же неприветливым, и Ивар уже подумывал, что ночевать придется прямо на песке, когда берег раздвинулся, обнажив устье небольшой речушки.

– Туда! – приказал Ивар.

Вскоре нос драккара ткнулся в песок, что-то зашуршало под килем. Увешанные оружием викинги с плеском посыпались в воду и, словно муравьи, разбежались в разные стороны.

Спустя короткое время они уже возвращались назад, нагруженные ветвями и целыми стволами. Во взглядах горела голодная настороженность, смешанная с предвкушением. Где суша, там и люди, с которыми можно сражаться и которых можно грабить.

А для чего живет викинг, как не для битв и грабежа?

Костер взметнулся к кронам деревьев, с сердитым рычанием пожирая дрова, а к Ивару бесшумно приблизился Даг Бесшумный. За прошедшие годы следопыт несколько погрузнел, но услышать его шаги в лесу по-прежнему не смогла бы и рысь.

Как всегда на новом месте, он обрыскал окрестности стоянки, проверяя, нет ли опасности.

– Там селение, – сказал Даг равнодушно, указывая вверх по течению. – Несколько десятков домов. Но нас не заметили. Готовят костры. Судя по всему, какой-то праздник.

В коротких, отрывочных фразах содержалось все, что нужно было знать конунгу.

– Хорошо, – кивнул Ивар, ощущая, как в душе заворочалась кровожадная радость, – Слава Одину!

Костер зашипел под струями воды, протестуя, что его жизнь оказалась столь короткой. Ужинать пришлось сухарями, которые за время плавания надоели хуже вшей.

Оставалось утешать себя тем, что скоро удастся полакомиться свежим мясом.

– Ну все, двинулись, – сказал Ивар, когда совсем стемнело и в прорехах между облаками замелькали мелкие и колючие звезды. – Даг, веди.

В темноте тускло блестел металл шлемов, время от времени позвякивали кольчуги, шуршала под ногами викингов трава. Ощетинившаяся оружием колонна дружинников, похожая на покрытую шипами змею, втянулась в сумрак леса.

Тут оказалось сыро, под ногами хлюпало и пахло прелью. В кронах тоскливо перекликались какие-то птахи.

– Вот и все, – Шагавший впереди Даг раздвинул ветви, и за ними открылся большой луг.

Вдали, в нескольких сотнях шагов, горели костры. Оттуда доносились взвизгивания и крики, песни, веселый смех. Время от времени темные фигуры закрывали огонь, и непонятно было, то ли там танцуют, то ли прыгают через пламя.

– Что у них там? – спросил Ивар.

– Середину лета празднуют, похоже, – отозвался Арнвид, как всегда в нужный момент очутившийся рядом. – Сейчас парни девок по кустам начнут растаскивать…

Судя по слитному сопению, раздавшемуся из темноты, многие викинги тоже были не прочь заняться этим делом.

– Тихо! – цыкнул Ивар, напряженно вглядываясь во мрак за кострами. – А дома там?

– Да, – ответил Даг.

– Эйрик, берешь половину, обойдешь селение с той стороны. – Дружинники смолкли. Всякий знал, когда конунг начинает говорить таким тоном, то остается только слушать и подчиняться. – Как займешь место, подашь обычный сигнал. После нападения они ринутся спасаться в деревню. Встретишь бегущих среди домов! Ясно?

Две Марки хмуро кивнул, в темноте раздались его отрывистые команды. Ровно половина дружины, те, кто в море сидит по правому борту, последовали за помощником конунга.

Зашумели раздвигаемые ветви, затем стало тихо.

– Вот иногда я думаю, – негромко проговорил стоящий рядом с Иваром Нерейд, и дрожь прокатилась по спине конунга – до того серьезен был голос вечного насмешника и неутомимого шутника, – что бы мы делали, не будь всех этих южных, западных и восточных земель, обитатели которых только и ждут, чтобы мы пришли и ограбили их…

– Боюсь, что они не особенно этого ждут… – отозвался Ивар. – И были бы рады, если бы наши корабли никогда не появлялись у их берегов.

– Все просто, – вступил в беседу Арнвид, – тот, кто сильнее, всегда живет за счет слабого, и не будь обитателей других краев, мы бы сражались друг с другом, точно крысы в бочке, пока не выжили бы самые сильные, те, кто смог бы потягаться с асами… Чтобы избегнуть подобного, Бюлейг и открыл нам путь в соседние земли!

Мысль была странной, попахивала святотатством, но от этого не выглядела менее логичной и убедительной.

– Ты думаешь? – спросил Ивар и тут же замолк. От костров прямо к тому месту, где затаились викинги, бежали двое.

Глава 3
ХОЛЬМГАРД

В сумраке пронеслось короткое лязгающее движение – викинги обнажили оружие.

– Тихо! – скомандовал Ивар, чей меч на мгновение полыхнул тусклым золотом и тут же погас, словно понимая, что может выдать хозяина.

Хохочущая парочка бежала к лесу с вполне определенными намерениями. Девица игриво взвизгивала, и даже во тьме было видно, как жадно горят глаза парня. Забежав в сень деревьев, они рухнули на траву.

Раздался звук поцелуя.

Ивар тихо шагнул вперед. На него обратили не больше внимания, чем на пролетающего мимо комара. Меч коротко блеснул и легко, как в снег, вонзился в сплетенные тела, отчего судороги экстаза превратились в конвульсии смерти.

Любовники не успели ни удивиться, ни испугаться. Два стремительных удара – и головы их отделились от тел. Конунг Ивар Ловкач, оправдывая прозвище, управлялся с мечом очень ловко.

И жалость давно оставила его сердце.

– Ждем, – приказал Ивар, возвращаясь в сырую тень леса. За его спиной сыто взбулькивала, изливаясь на землю, кровь.

Встав рядом с Арнвидом, конунг замер, словно превратился в изваяние. И только когда из ночной темноты, издалека, из-за селения, донесся громкий и протяжный крик выпи, ожил.

– Вперед! – приказал Ивар. – Одину слава!

– Одину слава! – рявкнули дружинники.

Те, кто праздновал у костров, поначалу ничего не поняли. Многие были пьяны, другим сильнее пива и браги туманила голову похоть, а руки тряслись в ожидании того момента, когда можно будет вволю мять и тискать упругую женскую плоть. Костры горели жарко и ярко, и шипящее над углями мясо распространяло вокруг одуряющий аромат.

Из ночной тьмы, истошно вопя и размахивая оружием, вынырнули воины в кольчугах и шлемах, из-под которых выбивались длинные светлые волосы. Таких здесь знали, но не слишком хорошо, иначе давно бы взяли за правило выставлять на берегу дозоры.

Ивар заметил недоумение в глазах широкоплечего мужика, когда меч воткнулся тому в грудь. Харкая кровью, тот упал на колени и спросил:

– Откуда?..

Отвечать конунг не стал. Пришлось отбиваться от наглеца, бросившегося на него с топором. Густая кровь брызнула в костер, заставив пламя тревожно зашипеть.

С визгом разбегались девки, наиболее шустрые из викингов бросились догонять. Мужчины и парни пробовали сопротивляться, иные кинулись к домам, где хранится оружие.

Но там, судя по крикам, их встретил Эйрик.

Ивар шел среди озаряемого пламенем хаоса. Отбил направленный в голову удар вилами, небрежно отмахнулся, ощутил, как клинок углубился в чье-то тело и, не оглядываясь, зашагал дальше. Мимо промчался Нерейд, чуть в стороне кто-то утробно хекал, дорвавшись-таки до женского тела.

На земле, держась за коленку, сидел молодой викинг Скафти по прозвищу Утроба. На круглом, почти детском лице отражалась обида. Судя по тому, что крови не было, Утроба просто ушиб ногу.

Пока он был единственным пострадавшим среди дружинников.

Это был не бой, а бойня. Деревня оказалась обречена. С воплями умирали последние ее обитатели. Ивар стоял и смотрел, как поднимается над одним из домов багровое зарево пожара. В этот момент конунг чувствовал себя богом, обитателем Асгарда, в силах которого нести людям разрушение и смерть…

Ощущение было приятным и одновременно гадостным.

Солнце взошло на небосклон какое-то помятое, словно всю ночь гуляло. Теперь оно стыдливо прятало похмельную физиономию за облаками. А может быть, ему просто было противно созерцать заваленную трупами и спящими викингами землю. Пойманных коз и свиней вчера жарили на углях, которые вытаскивали из горящих домов, а брагу глотали прямо из бочонков.

Ноздри забивал терпкий запах пепелища. При каждом шаге в воздух взвивались облачка золы. После того как Ивар прошелся там, где еще вчера стояли дома, кольчуга покрылась серым налетом, словно железо поседело.

– Да, славно порезвились, – жмурясь, точно кот, обожравшийся сметаны, сказал Нерейд. За ночь он обзавелся подпалинами в рыжей гриве и ссадиной на скуле.

– Всех перерезали? – деловито поинтересовался конунг. Слишком поздно пришла мысль о том, что нужно хоть кого-нибудь оставить в живых, чтобы расспросить о том, куда они попали.

– Ага, – печально вздохнул Нерейд. – Кроме тех, кто в лес удрал. Этих поди разыщи.

– И еще волхв местный выжил, – ввернул Арнвид, который вчера, вопреки обычаю эрилей, остался трезв. – И дом его уцелел, вон там, за деревьями.

– Пока другие грабили, ты брал пленных! – Ивар покачал головой. – Если так пойдет дальше, то Кари начнет складывать висы!

– Скорее Имир оживет! – брякнул Нерейд, и викинги дружно загоготали.

Волхв, связанный ремнями, распластался перед входом в свое обиталище – покосившуюся избушку, и на лбу его красовался здоровенный синяк.

– Ловко ты его! – восхитился Нереид, – Ты прямо берсерк среди эрилей!

– А это мне Ингьяльд помог, – признался Арнвид. – Счастье, что не убил!

Большая Рука, несмотря на то что давно уже догнал в рунном искусстве наставника и сражался не хуже любого из дружинников, не потерял способности смущаться по поводу и без. Вот и сейчас он залился краской, точно девица, которой молодец предложил прогуляться до сеновала.

Даже уши заалели двумя маленькими факелами.

– Поднимите его, – велел Ивар.

Волхва бережно подняли, отряхнули от пыли и поставили на ноги. Изо рта его был извлечен кусок грязной тряпки, и служитель богов – хлипкий старичок – забился в кашле.

– Ну что, ты можешь говорить? – спросил Ивар, когда волхв прокашлялся.

– Могу… – наконец ответил тот. Жидкие, седые волосенки, казалось, были наклеены на его череп, а в светлых, как у вареной рыбины, глазах прятался страх.

– Как называются эти края?

– Мы зовем себя эстами. – Старичок дернулся. – Не убивайте меня!

– Если расскажешь все – не убьем, – пообещал Ивар. – Нерейд, обыщи его камору, да тщательнее. Эрили – они запасливые.

– Эсты? – задумчиво проговорил Арнвид. – Как далеко к северу нас забросило! Это же Адальсюсла!

– Хоть Финланд, – мрачно буркнул Ивар и вновь повернулся к пленнику: – Рядом есть крупные города?

Плененный волхв с ужасом прислушивался к грохоту, который учинил в его избушке рыжий викинг. Судя по звукам, там дрались на палках человек десять и еще пятеро били посуду.

– Города – это что?.. – Лоб старика, высокий, почти до макушки, избороздили морщины.

– Большие селения, – пояснил Ивар, ободряюще улыбаясь пленнику. – Много домов, высокие стены, причалы. Понимаешь?

– Нету! – затрясся волхв, неправильно истолковав улыбку конунга. – Нету ничего! Ничего не знаю! Только далеко на восход есть громадный город…

– Должно быть, Хольмгард, – пояснил Арнвид.

Из недр избушки вывалился Нерейд. В руках он тащил объемистый и, судя по всему, тяжелый мешок.

– Вот нашел! – довольно осклабился Болтун. – Гляди, конунг!

Чрево мешка распахнулось, внутрь тотчас пролезли любопытные солнечные лучи. Навстречу им поднялось неяркое медовое сияние.

Мешок оказался полон кусками янтаря.

– Неплохо! – присвистнул Арнвид. – На то, что здесь есть, где-нибудь в Миклагарде можно купить дом!

– Да, хорошая добыча! – кивнул Ивар. – Кто бы мог подумать, что такую удастся взять в нищем селении? Не иначе боги благоволят к нам!

– Но это он, похоже, собирал всю жизнь, – почесал голову Арнвид. – А так Адальсюсла бедна. Здесь нет богатых городов, и даже янтарь в основном собирают южнее…

– Раз уж нас забросило так далеко к северу, – вздохнул Ивар, – то ничего не остается, как двигаться в Хольмгард и предложить наши мечи великому городу. Он платит за кровь золотом!

– Я чую какие-то чары, – сказал вдруг Ингьяльд. – Там, за домом…

– Что там такое? – спросил старший эриль.

– Боги.., капище… – просипел пленник, который, после того как его сокровища оказались извлечены на белый свет, совсем скис – Не трогайте хотя бы их!

– Богов мы уважаем! – обнадеживающе кивнул Арнвид.

Капище оказалось маленьким и очень старым. Выточенные из бревен божества, преувеличенно грозные и свирепые, с достоинством сопротивлялись старости, но зеленый бархатистый мох окутал их подножия, а потемневшие лики покрыли морщины трещин.

В столбах чувствовалась жизнь, почти угасшая, сонная, но недобрая.

– Спите спокойно, древние боги! – сказал Ивар. – Все равно вам осталось не так долго!..

– Следи за ними хорошенько! – наказал заново уроненному на землю волхву Арнвид, – А то на обратном пути зайдем проверим!

Судя по исказившемуся лицу, подобное будущее вовсе не прельщало старого эста.

– Подъем!.. Все на ноги!.. Скоро отплываем!.. – Двигаясь через поле, Ивар щедро раздавал пинки. – Клянусь глазом Тунда, кто не поднимется сейчас, останется здесь!

Зевая и почесывая пострадавшие задницы, похмельные викинги с трудом отрывались от травы, нехотя вставали и вслед за конунгом тащились к драккару. Плотный запах перегара заглушал тяжелый дух пожарища и вонь гниющих человеческих тел.

Устье широкой реки тесно перегораживали острова, выстроившиеся невдалеке в шеренгу словно воины в боевом строю. Берега их были низкие, топкие, а в глубь суши тянулось поросшее камышом болото.

– И как можно тут жить? – сварливо вопросил Нерейд. – Миазмы всякие, комары, сыро опять же… Брр!

– А кто-то думает про наши фьорды то же самое, – ответил Болтуну Арнвид. – Как там жить? Холодно, ветрище, земли скудные…

– Хватит языками трепать, – оборвал спор Ивар. – Гребите лучше и не забывайте про оружие! Что-то подсказывает мне, что на месте обитателей Хольмгарда я бы крепко охранял ведущий к нему путь!

Чутье не подвело конунга. Когда протискивающиеся между островами протоки слились в единое русло, а берега стали чуть-чуть выше, на одном из них обнаружилась срубленная из дерева крепость. Перегораживая реку, покачивались на серых волнах две ладьи.

– Ждут, – вздохнул Арнвид. – Не иначе как у них там дозоры, на берегу моря!

– А вы кто такие будете?.. – вопросили с ближайшей ладьи пропитым голосом. На носу ее обнаружился чудовищно широкоплечий дядька. Его кольчуга размерами напоминала рыбацкую сеть, а на шлем металла было истрачено больше, чем на плуг.

– Конунг Ивар Ловкач из Трандхейма! – зычно, без тени робости в голосе ответил Ивар. – А кто загораживает дорогу?

– Воевода Налим, – отозвался дядька. – И куда плывет доблестный конунг?

– В Хольмгард, – не стал кривить душой Ивар, краем уха отмечая за спиной негромкий лязг и шуршание: дружина, не дожидаясь окончания переговоров, спешно вооружалась.

– Знаем мы вас, морских конунгов! – воевода Налим смачно харкнул, в воду бултыхнулось нечто размером с шишку. – Ведь грабить идете!

– Если ты ищешь повода для схватки, то давай драться, – пожал плевами Ивар. – Если же нет, то клянусь тебе бортом ладьи, краем щита, конским хребтом и лезвием меча, что мы плывем предложить свои клинки вольному городу!

– Да покарает тебя Перун, если ты нарушишь клятву! – Воевода Налим махнул рукой, и ладьи зашевелили веслами, точно насекомые – лапками, сдвинулись в стороны, освобождая проход. – И будь осторожен, конунг, выше по течению и на Волхове свирепствует чудь…

– Спасибо за предупреждение, воевода, – холодно ответил Ивар. – Нас не одолели серки, рыцари Бретланда и воины Миклагарда, чего нам бояться какой-то чуди?

Налим в ответ лишь криво ухмыльнулся.

Из разросшегося до самой воды ельника свистнули стрелы, в воду посыпались полуголые люди в накидках из звериных шкур, с проклятьями осел на палубу зажимающий рану на предплечье Рёгнвальд.

– К оружию! – рявкнул Ивар, понимая, что в этот раз он опоздал, что надеть кольчуги уже не успеют, и все из-за его проклятой самонадеянности. Не поверил воеводе с рыбьим именем, и зря…

Но времени переживать не было. Воины чуди оказались на редкость умелыми пловцами. Мгновение – и на борт взобрался первый из них. Дико глянула на викингов маска, искусно скроенная из медвежьей морды, зло оскалились желтые клыки.

Сразу и не догадаешься, что перед тобой человек, а не чудовище со звериной головой. А через борт уже лезли кабаньи, волчьи, медвежьи морды. Воздух наполнился воем и рычанием.

Меч Ивара проскрежетал по медвежьим клыкам, из-под них на доски палубы хлынула кровь. Несмотря на жуткий облик и покрытые ритуальными шрамами предплечья, чудь умирала точно так же, как обычные люди.

– Одину слава! – Заслышав боевой клич конунга, смутившиеся было викинги приободрились. Страшно взревел Кари, ожившим тараном врезавшись в ряды врагов, даже Рёгнвальд, шипя от боли, рубил левой рукой.

Сигфред схватил весло и раскрутил его над головой. Сначала тяжеленная деревяшка угодила в затылок Нерейда, тот брякнулся на колени, но это не смутило впавшего в неистовство берсерка. Рыча, точно целая стая голодных волков, он ринулся в схватку.

Выброшенный за борт воин, судя по изумленному воплю, так и не понял, чем его ударило, другой согнулся, ухватившись за сломанные ребра, нос третьего превратился в окровавленную лепешку.

Ивар разил мечом, стараясь не поскользнуться в лужах крови, и небольшая рана от рогатины столь же мало смущала его, как репей, прилипший к хвосту собаки.

Выучка викингов брала верх. В вое, который издавали воины чуди, больше не было ярости, теперь он напоминал скулеж обиженных шавок. То один, то другой из них прыгал за борт, спасаясь от смерти, и вскоре Ивар обнаружил, что на палубе не осталось никого, кроме его дружинников. И трупов.

Драккар медленно сносило течением.

Нерейд осел на доски, ухватившись ладонью за затылок. Его шатало точно пьяного, а в глазах покачивалась муть, словно дымка, проплывающая ранним утром над морем.

– Ну вот, – голос рыжего викинга звучал хрипло, – теперь шишка будет. Как прикажете шлем надевать?

Хихикнул Харек, гулко, будто сова, ухавшая в дупле, захохотал Ингьяльд, за ним засмеялись все остальные. Даже Ивар позволил себе улыбнуться.

– Ладно, – сказал он, когда смех стих, – садитесь на весла, а то нас опять к гостеприимному воеводе снесет. А пока посмотрим, с кем это мы бились…

Эриль уже крутился около поверженных врагов, разглядывал маски, что-то бурчал себе под нос.

– Смотри, – сказал он, бесстыдно задирая веко погибшему. – Не зря их зовут «чудь белоглазая»!

Радужка в глазу высокого, мускулистого воина была очень светлой, точно плесень. Она почти сливалась с белком, и только зрачок чернел, словно след от укола.

– Да, не зря, – недрогнувшим голосом проговорил Ивар. – Но это им не помогло! Пусть знают, как сражаются воины Ивара Ловкача!

Эриль как-то странно покосился на конунга, и тот невольно смутился.

– Ладно-ладно, воины Трандхейма… всех Северных Земель! – закончил он, – И в любом случае – Одину слава!

Боевой клич северян прокатился по реке и потерялся меж лесистых берегов. В зарослях что-то завозилось, но звери это были или уцелевшие воины чуди – не суждено было узнать никому.

Плескались волны, расступаясь перед широкой грудью драккара.

Город показался сразу за поворотом реки: с высокими стенами из толстенных бревен, могучими башнями, домами, в беспорядке теснящимися на холмах внутри стен. Блекло-голубое небо подпирали десятки колонн, сотканных из дыма.

– Да он большой!.. – изрек Арнвид удивленно. – Я думал, что врут про Хольмгард! Ан нет, не врут!

– Но меньше Миклагарда, – уточнил Ивар, с любопытством разглядывая незнакомый город. За спиной осталось бурное Восточное Море, опасные берега безымянной речушки, седая Ладога, после которой началась Гардарики. Страна Городов.

Впереди ждал Хольмгард, по-местному Новгород. Потянулись причалы, заполненные самыми разными кораблями. Горделиво поднимались носы ладей, кургузыми толстяками выглядели купеческие посудины, встречались и драккары.

Пахло смолой и нагревшимся на солнце деревом.

– Правь сюда, – приказал Ивар, едва по правую руку открылось свободное место. Драккар повернул ловко и стремительно, точно заползающая в нору змея. Штевень с негромким стуком соприкоснулся с причалом.

– Вот и приплыли, – с глубоким удовлетворением в голосе отметил Нерейд.

– Рад приветствовать вас в пределах вольного Новгорода, – Около корабля, словно из-под земли, вырос невысокий молодчик с хитрым выражением на остроносом лице. В руках он держал большой кожаный кошель.

– И мы рады, – осторожно ответил Ивар, помня, что неприятностей от такого тихони можно ожидать больше, чем от громадного воина с мечом длиннее оглобли, – Чего надо?..

– За постой у причалов вольного Новгорода, – из-под полы широкой, подпоясанной одежды остроносый извлек странную штуку – прямоугольную раму с закрепленными внутри проволочками; по ним заскользили, щелкая друг о друга, разноцветные деревяшки, – следует за драккар… две гривны серебром!

– А кому следует? – поинтересовался Арнвид, добро и чуть кровожадно улыбаясь. – Если тебе, то нам проще тебя убить, чем платить!

– Не мне, а городу! – Лицо остроносого стало торжественным, почти величественным. – Ибо ему служу я, скромный сборщик пошлин Мишко!

– Скромный, – пробурчал Нерейд, – а денег требуешь!

– Ладно, – сказал Ивар, – на чужую пьянку со своими здравицами не лезут. Арнвид, доставай монеты!

Получив серебро, Мишко выдал Ивару здоровенный кусок бересты, на котором ловко и быстро нацарапал ряд каких-то значков.

– Если кто будет приставать, – сказал он, – покажете им это!

И, улыбнувшись на прощание, исчез со стремительностью джинна.

– «Сим… удостоверяю… » – чтение мелких значков давалось Арнвиду с трудом, пришлось звать на помощь Ингьяльда с его молодыми глазами, – «что подать за постой… выплачена в полном объеме». Дата, подпись… Ловко придумано!

– Город торгашей! – Нерейд с отвращением сплюнул за борт. – За все…

Что хотел сказать Болтун, так и осталось неизвестным. На причале около носа драккара мигом возник еще один тип, как брат похожий на первого. Лишь голос у него оказался гнусавым.

– Имеет место загрязнение окружающей среды! – заявил он, – Штраф – половина гривны серебром!

– А в глаз? – спросил Нерейд, багровея.

– Оскорбление действием лица на службе города, – не испугался гнусавый, – штраф гривна!

– Дороговато! – Рыжий викинг скривился и плюхнулся на лавку.

– Плевать за борт нельзя, – проговорил Арнвид. – Интересно, чего еще запрещено?

– Узнаешь, когда без денег останешься, – покачал головой Ивар. – Пойдем посмотрим город.

Легко перескочил через борт, горделиво выпрямился – и тут же получил увесистый тычок в бок.

– Куды прешь! – Мимо, распространяя аромат ядреного пота, пронесся сопящий грузчик, сложением и налитыми кровью глазами смахивавший на быка. В руках он тащил бочку, в которую запросто можно было закатать человека.

Грузчик исчез прежде, чем Ивар успел хотя бы разозлиться.

– Добрые тут люди, – сказал он, потирая ушибленный бок. – Арнвид, Нерейд, со мной! Остальным с корабля не уходить, ничего не покупать, за борт не плевать! Все ясно?

Непонятливых на борту не оказалось.

Жизнь в порту вольного Новгорода кипела. Вереницами, словно муравьи, сновали грузчики, причалы трещали под их ногами. Ржали лошади, грохотали телеги, кричали люди – и все это сливалось в дикую какофонию, от которой болели уши. Запахи были густые, основательные – навоза, свежевыделанных кож, сырого дерева, смолы.

В толчее приходилось лавировать, чтобы не попасть под колеса или не оказаться в сточной канаве после столкновения с полуголым мужиком, несущим бревно. Викингов мотало точно веточки в бурном потоке.

– Ничего себе! – хрипел Арнвид, чья лысина блестела от пота, будто облитое водой яйцо. – Отвык я от таких развлечений…

Вляпавшись посреди улицы в навозную кучу, эриль огласил воздух такими ругательствами, какие положено ведать разве что только знатокам рун и древних сказаний.

Орущая и грохочущая улица на мгновение смолкла, а случившийся рядом купчина, толстый, как медведь осенью, с красным, одутловатым лицом, сказал:

– Да, уважаю! Сразу видно – волхв! Только они так матерятся!

Арнвид приосанился, зыркнул орлом, расправил узкие плечи.

– Смотри не лопни! – ехидно посоветовал Нерейд.

В толчее то и дело случался мордобой. Дрались новгородцы по любому поводу и без оного. Сцеплялись возницы, не могущие разъехаться, купцы, не поделившие чего-то, а также прохожие, которым просто не понравились лица друг друга. На землю летели кровавые сопли, выбитые зубы, слышался азартный стук кулаков о челюсти.

Склады припортового квартала сменились домами. Из щелей между толстыми бревнами свисал ссохшийся мох, окна украшали размалеванные яркими красками наличники, коньки крыш – искусно вырезанные из дерева лошадиные и петушиные головы.

Викинги в изумлении озирались.

Улица свернула, открыв невысокий холм, на вершине которого разместилось капище Тесным кругом стояли столбы с ликами богов, дымил небольшой костер, разведенный с ритуальными целями.

В центре круга двое плечистых молодцев держали полуголого человека, судя по стрижке – раба. Седобородый старец в белых одеждах бормотал что-то, в руке его покачивался длинный нож, солнечные зайчики весело скакали по лезвию. Чуть в стороне с благообразным выражением на лице замер богатый горожанин, живот его выпирал, точно наполненный бурдюк.

– Жертву приносят, – уверенно определил Арнвид. – Вот только кому?

– Сразу видно, чужеземцы! – засмеялся проходящий мимо парнишка, судя по прожженному фартуку – подмастерье кузнеца. – Велесу, властителю стад, подателю богатства!

Старец закончил бормотать, нож стремительно упал, вонзившись в горло. Раб захрипел, с бульканьем плеснула кровь. Волхв обмакнул в нее руки, принялся мазать губы одному из идолов.

– Хороший бог, судя по всему, – сказал эриль, – вон какая очередь стоит!

У проема между крайними столбами, обозначающими вход в капище, толклись десятка полтора горожан – кто с курицей, кто с гусем или козой под мышкой. Обреченное мемеканье перекрывалось возмущенным квохтаньем. Богатей, только что пожертвовавший раба, прошествовал мимо, надменно задрав нос, – еще бы, денег на лучшую жертву, человеческую, наскребет далеко не каждый.

– Все как у нас, – умилился Нерейд. – Пойти кого-нибудь тоже в жертву принести, что ли? Чтобы богатства было много!

– Потом, – одернул Болтуна Ивар. – Еще успеешь. Хотя порт и остался позади, толчея вокруг не убывала.

Народ спешил в лавки, открытые чуть ли не в каждом доме: покупатели щупали ткани, придирчиво перебирали драгоценности или посуду, копались в оружии. Голова кружилась от аппетитных запахов, вырывающихся из открытых дверей харчевен.

Похоже было, что Хольмгард – одно огромное торжище, – вечно кипящее, гогочущее и хохочущее, звенящее деньгами, и что когда придет день Рагнарёка, то местные обитатели

также будут торговаться, а на Сурта с огненным мечом или на Фенрира, разинувшего пасть до неба, просто плюнут, брякнув чего-нибудь вроде: «Отвали, мохнатый, не до тебя сейчас…»

– Посторонись! – рявкнул кто-то в спину Ивара, и мимо, нарочито толкнув конунга, прошел здоровенный рыжий детина. На каждое плечо ему можно было поставить наковальню, а на голову вместо шапки водрузить бочку. Даже Кари показался бы рядом с ним дохляком.

Ивар обнаружил себя под прицелом десятков глаз, толпа раздалась в стороны, словно чего-то ожидая, послышались шепотки:

– О, Васька!..

– Опять варягов задирает!..

– О, шас он этому белобрысому задаст!.. Похоже, нас хотят унизить! – Нерейд, несмотря на все недостатки, никогда не отличался бестолковостью. Эй ты, рыжий, – сказал Ивар, и последнее слово прозвучало в полной тишине. – Ты меня толкнул!

– И что? – Здоровяк повернулся как ожившая гора. На широкой роже, где йотуны явно молотили горох, расцвела глумливая ухмылка.

– Извинись. – Ивар улыбнулся в ответ. Он не хотел драться, но прекрасно понимал: оставь он этот толчок без внимания, весть о том, что белобрысый конунг, приплывший в город, оказывается, трус, разнесется по Хольмгарду быстрее, чем круги от упавшего камня – по озеру.

И какой тогда разговор о том, чтобы наняться на службу к городу?

– Ни за что! – Рыжий усмехнулся еще пакостнее и принялся нарочито медленно заворачивать рукава на похожих на окорока лапищах. – Я лучше тебя, шпань заморская, еще разок толкну!

Судя по всему, «варяга» приглашали на кулачный бой.

– Попробуй. – Ивар сбросил с плеч плащ, отстегнул от пояса меч. Арнвид подхватил клинок и одежду, отступил на шаг.

– Да поможет нам Тор! – Судя по мрачному лицу, эриль вовсе не радовался происходящему.

– Врежь ему! – азартно орал Нерейд. Огромный кулак пронесся рядом с лицом Ивара, тот едва успел уклониться, зрители дружно ахнули. Ивар ударил в ответ, попал и едва не заорал от боли – прячущийся под мешковатой рубахой живот задиры оказался тверже дубовой коры.

– Ниче! – пропыхтел рыжий. – Сейчас я тебя!

Ивар отскочил, ринулся было вперед – и самым позорным образом попался на обманный прием. Мелькнули торжествующие глаза забияки, и тут же в лицо конунгу ударило что-то тяжелое. Ивар осознал, что летит, но порадоваться этому не успел – врезался во что-то мягкое и вопящее.

Перед глазами все плыло, ноги тряслись, как пьяница утром.

– Сдаешься? – донесся откуда-то издалека грохочущий голос.

– Выкуси! – ответил Ивар, сложив пальцы левой руки в жесте, которому некогда научился у наемников-русичей в далеком Миклагарде. – Шиш тебе!

– Ах так!

Про трясущиеся ноги тут же пришлось забыть и резво двигаться, уходя от стремительных и злых ударов. Рыжий бил на совесть, пыхтел и рычал от натуги, а Ивар, больше привыкший сражаться с мечом в руках, пытался приспособиться к новой манере боя. И в какой-то момент смекнул, что готов ответить.

Шагнул вперед, пропуская противника мимо, и впечатал костяшки пальцев в открывшееся горло, прямо туда, где под поросшей рыжей щетиной кожей перекатывался кадык.

Тяжелое тело с грохотом рухнуло, земля вздрогнула.

– Ой… – сказал кто-то в толпе.

Ивар стоял, опустив немеющие руки. Судя по боли, синяки покрывали их от плеч до запястий. Саднили содранные кулаки, левый глаз заплывал, всю левую половину лица дергало, а из груди вырывалось хриплое, судорожное дыхание.

– Ты его не убил? – В поле зрения замелькало встревоженное лицо Арнвида.

– Вроде нет, – просипел Ивар, удивляясь, что вообще способен говорить.

Чьи-то руки прицепили к его поясу меч повесили на плечи плащ. Ивар повернул шею, увидел, что рыжий задира, хрипя и отплевываясь, поднимается с колен. Мелькнула мысль: «Неужто опять в драку полезет?»

Толпа, разочарованно гудя, расходилась.

– Силен, белобрысый, – прохрипел здоровяк, ощупывая собственное горло. – Ты чуть не первый, кто против моих кулаков устоял. Я Васька Буслаев…

Ивар недоуменно воззрился на протянутую ладонь, не сразу сообразил, что ее нужно пожать. Наконец пожал… Ощущение было такое, словно пощупал обломок гранита.

– Ивар… Ивар Ловкач из Трандхейма.

Вот и отлично. – Буслаев выглядел довольным, словно не дрался только что, а пил пиво. – Пойдем погуляем за знакомство! Вы сегодня приплыли? Еще нигде не остановились?

Ивар про себя застонал: он хорошо знал традицию русичей и всяких прочих славян «гулять» до беспамятства. Но лицо конунга осталось бесстрастным.

– Сегодня, пока нигде.

– Вот и славно. – Буслаев осклабился вполне добродушно, превратившись из задиры в обыкновенного увальня, который не обидит и мухи. – Покажу отличный постоялый двор, где есть чего выпить!

При слове «выпить» Нерейд, до сих пор горделиво прыгавший вокруг с воплями: «Ай да конунг, ай да Одинов сын!..» – остановился и сладострастно облизнулся.

– Чего же мы ждем? – выразительно сказал он.

Постоялый двор на поверку оказался длинным мрачным сараем, годным разве для того, чтобы держать здесь коней. Но внутри оказалось светло и просторно, столы выглядели чистыми, а от запаха только что сваренной гречневой каши невольно текли слюнки.

– Давай на стол! – рявкнул Буслаев двинувшемуся навстречу хозяину. – Все что есть! Я плачу! Гуляем!

Хозяин осклабился, что-то крикнул. С топотом набежали слуги, загрохотали отодвигаемые лавки, и стол перед гостями покрылся белоснежной скатертью. На ней словно из воздуха появился вместительный кувшин, окруженный чарками точно утка утятами.

– По первой! – ревел Буслаев, с плеском разливая мутную золотистую жидкость. По воздуху поплыл сладкий хмельной аромат.

Ивар про себя вознес краткую, но выразительную молитву всем асам сразу и опрокинул чарку. По горлу прокатилась обжигающая волна, оставив после себя медвяный вкус, в голове слегка зашумело.

– Что это? – вопросил конунг. Подобного он еще не пил.

– Мед, – ответил Буслаев, с хрустом раздирая на части поросенка. – Хватит кукситься, точно на поминках! Садись закусывай!

А закусывать было чем. Стол, еще мгновение назад пустой, украшали самые разные блюда. Горкой была наложена парующая каша, запах которой шибал в нос гостям; зажаренный целиком (и когда только успели?) кабанчик соседствовал с большой округлой чашей, из которой вкусно пахло рыбой. Щучьи головы были нашпигованы чесноком, а заячьи хвосты купались в сметане.

Нерейд уже вовсю чавкал, а мудрый эриль с треском пожирал поросячью ножку. Глаза у всех были ошалевшие – еще бы, после сухарей и солонины, опостылевших на драккаре, попасть в такое изобилие.

– А там что? – спросил Ивар, оглядывая дальний край стола.

– А тут, – Буслаев сыто рыгнул, швырнул под стол кость, мяса на которой осталось разве что для очень трудолюбивой собаки, – икра красная, икра черная, икра заморская… – Тут рыжий забияка облизнулся, хотя, на взгляд Ивара, в коричневых икринках размером с перепелиное яйцо не было ничего аппетитного, – баклажанная. Сказывают, есть в дальних краях такая рыба – баклажан, и несет она эту икру раз в три года…

– Брешут, – мрачно отозвался эриль, – это не на икру похоже, а на яйца лягушачьи. Все-то вы, жители Гарда-рики, сожрать готовы!

– И то верно, в словенском желудке и долото сгниет. – Буслаев икнул, горло его вспучилось, точно наружу лезла большая жаба. – Давай тогда еще по одной!

Ивар обреченно вздохнул и подставил чарку.

Икра красная оказалась хороша, черная – еще лучше, баклажанную викинги благоразумно пробовать не стали. Кувшин опустел, на смену ему принесли новый, и Ивар вскоре с изумлением обнаружил, что сидит чуть ли не в обнимку с Буслаевым.

– У нас в городе нет бояр! – горделиво вещал тот. Князя тоже нет! Никаких артист… дрист… ардристократов!

– Аристократов! – поправил дотошный Арнвид.

– И этих тоже! – согласился Буслаев, мотнув рыжей башкой так, что едва не свалился с лавки. – Все мы равны! Подчиняемся только городу… посаднику, которого сами выбираем! А он уже устанавливает законы, собирает по… пошлины… нанимает воинов…

– Поэтому можно бить морды всем, кроме подручных посадника! – На Нерейда, судя по всему, снизошло озарение.

– А казнить посадник может? – осведомился эриль.

– Только изменников, кто к врагу переметнулся! – сурово ответил Буслаев и бухнул кулаком в могучую грудь, – А за прочее в поруб сажают, и только вече может решить: жизнь или смерть!

– А вече – это что? – поинтересовался Нереид, ради того чтобы только поддержать беседу. Судя по осоловелым глазам, глядящим в разные стороны, рыжему викингу уже было все равно, о чем болтать.

– Собрание всех свободных мужчин Новгорода! – В громогласном рыке Буслаева слышалась нескрываемая гордость.

– А, как тинг у нас, – повертев пальцем в ухе, прокомментировал Арнвид.

– Истину глаголешь! – Буслаев широко улыбнулся. – Поэтому давай еще выпьем!

Определенный смысл в этом предложении был, поэтому отказываться никто не стал. Мед же оказался очень коварным напитком: он не тяжелил тела, подобно пиву, не бил сразу в голову, как брага, не веселил, точно вино, а медленно и неотвратимо затуманивал рассудок.

– Веселиться желаю! – крикнул Буслаев после третьего кувшина. Когда Нерейд уткнул лицо в тарелку с мочеными яблоками, Арнвид пытался с помощью рун написать на столе «Тут был Арни», и даже Ивар чувствовал себя изрядно нетрезвым.

Дверь постоялого двора с треском отворилась, и внутрь ринулись, словно только и дожидались этого момента, какие-то люди в лохмотьях и колпаках с бубенцами. Помещение наполнилось звоном, гудением маленьких дудок и развеселыми воплями.

Ивар от неожиданности схватился за меч и, к собственному удивлению, промахнулся. Пальцы, не достигнув рукоятки, лишь цапнули лавку.

– Спокойнее! – прогудел Буслаев. – Это скоморохи! Сейчас будут нас веселить!

Ивар хотел было сказать, что ему и так весело, но язык удивительным образом не послушался. Впору было поверить, что конунга хитрым манером отравили.

Но тревожные мысли исчезли из головы со скоростью летящей стрелы, и гулянка продолжалась. Скоморохи пели и плясали, выделывая такие коленца, какие Ивар до сих пор видел только во дворце Оберона и Титании, хозяев Фэйрилэнда, Страны Чар, во время бала фэйри.

Арнвид пытался танцевать вместе с ними, лихо хрустел суставами, но в конце концов изрядно вымотался и свалился под стол. Вскоре оттуда раздался негромкий, но пронзительный храп.

– А… – Ивар вдруг вспомнил, что где-то там, у причала, остался драккар с его дружинниками, для которых конунг просто пропал. На голову словно вылили ушат холодной воды.

– Что такое? Поблевать? – Буслаев участливо нагнулся к собеседнику, – А, нет…

Несмотря на то что язык Ивара заплетался, новгородец понял все до последнего слова. Сказался богатый опыт общения в пьяном виде.

– Эй, малый, – сказал он, подозвав одного из слуг, – отправишься на причал. Найдешь драккар со змеем на носу. Скажешь там, чтобы все тащились сюда, кроме Эйрика, который с десятком должен остаться на корабле…

Ивар ощутил, что долг конунга на сегодня выполнен и с облегченным вздохом брякнулся на лавку.

– Слабоват, как и все заморские, – печально вздохнул Буслаев, наливая себе еще меда, – хотя в драке выглядел ничего…

Глава 4
СТАРЫЙ ЗНАКОМЫЙ

Мир вокруг качался, в голове шумело, точно Ивар, подобно Садко, решил отправиться в плавание на утлом плоту. Думать не получалось вообще, и, отчаявшись составить хоть одну связную мысль, он разомкнул отяжелевшие веки. Под спиной было что-то твердое, а взгляд уперся в дощатый потолок.

– Ага, очнулся! – сказал кто-то ехидным голосом.

– Давненько я тебя таким не видел, конунг, – укоризненно прогудел другой голос, басовитый и глубокий.

– Общение с русичами до добра не доводит! – добавил первый.

«Сигфред и Кари» – всплыли из глубин сознания имена, и Ивар с трудом сел. Берсерки сидели за столом у окна, и во взглядах их было что угодно, но только не уважение к титулу конунга.

– Что было вчера? – спросил Ивар, едва ворочая распухшим языком. – И где мы?

– В комнате, куда мы тебя принесли из общего зала, где ты дрых на лавке, – сообщил Сигфред, улыбаясь насмешливо, словно заяц, обнаруживший намертво запутавшуюся в кустарнике лису. – Тот рыжий кабан нам тебя едва отдал, чуть не подрались!..

– А так ничего, обошлось, – рокотнул Кари, – видали и похуже!

– Видали, – согласился Ивар, обнаружив, что спал в одежде и даже в сапогах. – А где остальные?

– Дрыхнут еще. Вчера остатки того, что ты не допил, долакали мы! – Тощий берсерк выразительно облизнулся. – Дабы не дать конунгу сгинуть в пучине пьянства!

– Вот шутник, рядом с тобой сам Локи отдыхает! – Ивар встал и тут же сморщился – в висок будто ударили молотом.

Зал, где вчера гуляли, выглядел будто поле брани после битвы. На лавках, столах и даже на полу возлежали дружинники, храп стоял такой, что трясся потолок, а бычьи пузыри, натянутые на окна, изрядно запотели.

Буслаева среди спящих не было.

– Зато как погуляли, – невнятно выразился Ивар и выбрался во двор. Тут царило утро. Солнце, болезненно яркое, радостно лучилось в чистом небе, чирикали пташки.

Черная собака, лежащая у ворот, посмотрела на похмельного конунга с явным неодобрением.

– Тебе повезло, – проворчал Ивар. – Ты не пьешь!

Под осуждающим взглядом псины он умылся и напился. Стало легче. Только после этого он понял, что назойливый шум, который он до сих пор принимал за гудение внутри головы, доносится откуда-то с улицы. Словно за ночь к Хольмгарду подступило море.

– Эй, конунг, – из дверей постоялого двора высунулась наглая рыжая морда Нерейда, – похмеляться будешь?

– Нет, – ответил Ивар, которого едва не передернуло при слове «хмель». – Пойдем лучше погуляем!

– Давай. – Рыжий викинг на мгновение исчез и тут же вернулся, уже с мечом на поясе. – Тебя одного отпускать что дитя малое – всякий обидит!

Ивар потрогал синяк, оставшийся после вчерашней драки, и промолчал.

Улицы города, вчера заполненные народом, точно болото – лягушками, сегодня оказались пустынны, будто капище в урожайный год. Словно все обитатели Хольмгарда дружно

переселились куда-нибудь в Валланд. На дверях лавок висели замки, и ветер сиротливо шуршал обрывками бересты.

– Куда они все подевались? – недоуменно вопросил Нерейд, когда они миновали третью подряд пустую улицу. – Нидхегг их пожрал, что ли?

– Скоро узнаем, – проворчал Ивар.

Странный шум, накатывающийся волнами, как прибой, постепенно усиливался. Улица повернула – и перед викингами открылась громадная площадь, похожая на миску, до краев заполненную кипящим супом из орущих и свистящих людей.

Ивар в первое мгновение едва не оглох. Потом у него чуть не лопнула голова.

– Это же городской тинг! Вече по-здешнему! – донесся сквозь рев голос Нерейда. – Только почему так шумно?

Площадь волновалась и кипела, а по другую ее сторону, у подножия высокой, сложенной из бревен башни, виднелся широкий помост. Расположившиеся на нем люди были разряжены в парчу и бархат, солнце ярко сверкало на украшенных золотом поясах, обтягивающих толстые, словно подушки, животы.

По краю помоста цепью выстроились стражники. Все высокие, плечистые, с короткими, толстыми копьями и широкими щитами. Взгляды их настороженно шарили по толпе.

Один из толстяков поднял руку, и площадь стихла, не сразу, постепенно, словно море, над которым перестал дуть ветер.

– Жители вольного Новгорода! – проревел толстяк, но дальше заговорил тише, и Ивар перестал его слышать.

Слова были встречены очень бурно. Половина площади радостно орала, в воздух летели шапки. Зато другая возмущенно свистела и улюлюкала, в криках слышался гнев.

– Что тут решают, почтенный? – спросил Нерейд у ближайшего к ним горожанина, чья окладистая борода и квадратное телосложение делали его похожим на цверга. – Объявлять войну багдадскому халифу или нет?

– Да ну что нам тот халиф? – махнул рукой хольмгардец. – Думают, где мост новый строить, выше мельницы Старого Чиря или ниже.

– И ради этого собрался весь город?

– А то! – Горожанин приосанился, воинственно выпятил бороду. – Мы любое дело решаем всем миром!

– Похоже, не миром, а войной, – пробормотал Ивар. Очередные слова кого-то из толстяков с помоста вызвали бурю возмущения.

– Посадник – козел!.. – дружно понеслось над площадью, в сторону помоста полетели тухлые яйца, которые желто-белыми потеками расплескивались по предусмотрительно выставленным щитам. Одно таки миновало заслон и «украсило» чью-то высокую шапку из собольего меха.

Подобного поношения сторонники посадника стерпеть не смогли. Замелькали кулаки, толпа взревела, качнулась в одну сторону, в другую. В центре свалки мелькнула рыжая голова Буслаева.

Главный задира Хольмгарда был там, где заваривалась потасовка.

Вскоре дрались все. Купцы, ремесленники и плотогоны азартно размахивали кулаками, стремясь расквасить нос ближнего, превратить его губы в подобие оладий и расписать лицо синяками.

Стоны, рев и вопли слились в дикий шум, слабые или робкие кинулись прочь из месива, пытаясь спасти шкуры, задиристые стремились добраться до противников. Над площадью взвилась туча пыли.

Из нее выскочил какой-то человек, боднул Ивара в живот и умчался прочь, дико завывая, словно потерявший разум волк.

– Ничего себе! – сказал Нерейд, уворачиваясь от вылетевшего из свалки камня. – Весело у них тут!

Кто-то, видимо опоздавшие, с радостным ревом неслись к площади, по пути раздавая тумаки встречным. Те шарахались, и на узкой улочке воцарилось столпотворение, по сравнению с которым вчерашняя толчея казалась полным безлюдьем. Держащихся вместе викингов швыряло и подкидывало, точно на спине норовистого скакуна.

– Да нас просто затопчут! – в ужасе оглядываясь, крикнул Нерейд. – Надо сматываться!

Но вырваться из сутолоки было труднее, чем завалить великана. Бурный людской поток не давал выбраться, крутил, будто в водовороте.

– Да уж! – просипел Ивар, когда викингов плотно прижали к стене одного из домов. – Легче было в Багдаде, когда мы сражались против тысяч!

Он дышал тяжело, поминутно сплевывая комки темной пыли. По лицу тек пот, пахнущий хмельным. На запах с радостным жужжанием слетались мухи, садились, щекотали лапками щеки и скулы.

– Клянусь залогом Вингниса, – прохрипел Нерейд, отпихивая от себя едва держащегося на ногах мужика, от которого разило, будто из бурдюка с брагой, – раньше я всерьез думал, что викинги, если вздумают, смогут завоевать весь мир!

– А теперь? – Ивар едва увернулся от брошенного кем-то кувшина, который с сухим стуком раскололся о стену дома. Острым черепком конунгу оцарапало ухо.

– Если кто и сможет превзойти нас в буйстве, а значит, и остановить, так это обитатели Гардарики! – Рыжий викинг получил локтем в живот и с утробным хеканьем согнулся.

– Ха, какая встреча! – Голос, прозвучавший совсем рядом, показался знакомым. Подняв голову, Ивар столкнулся с взглядом светло-желтых глаз, до ужаса похожих на волчьи.

– Лычко? – Удивлению конунга не было предела. Последний раз с молодым русичем они виделись семь дет назад в Миклагарде. – Клянусь копытами Слейпнира, Лычко!

– Я и есть! – Русич хищно ухмыльнулся, продемонстрировав острые зубы. Разговаривая, он не забывал пробиваться к конунгу и для этого активно работал кулаками. Удары его были молниеносны, и мало кто после них мог встать. Спину Лычко прикрывали несколько хмурых, плечистых молодцев.

– А вы, я смотрю, попали в переплет? – спросил он, пробившись к викингам вплотную.

– Да уж, вече в Хольмгарде – не тинг во Фросте! Настоящая буря стали! – ответил Ивар, помогая распрямиться Нерейду. Лицо того было красным, а рот судорожно разевался, отчего рыжий викинг напоминал выброшенного на берег сома.

– Ничего, сейчас вытащим! – Лычко улыбнулся еще раз, что-то скомандовал. Его подручные построились клином и ринулись в толпу. Ивару оставалось только поспевать за ними да прикрываться от случайных ударов.

Сотню шагов проделали почти бегом, и наконец всеобщая свалка осталась за спиной.

– И все из-за какого-то моста? – вздохнул Нерейд. – Представляю, что будет, когда передерутся по серьезному поводу!

– А то же самое, – пожал плечами Лычко. – Давно вы в Новгороде?

– Со вчерашнего дня, – ответил Ивар. – И уже успели познакомиться с Буслаевым!

– Ясно. – Русич понимающе оскалился. – О синяках на твоем лице, доблестный конунг, можно не спрашивать – как ты Ваську отделал, весь город гудит. И о том, как потом с ним пил, – тоже…

– А ты что здесь делаешь? – поинтересовался Ивар, спеша увести разговор от неприятной темы. За вчерашний разгул было стыдно – не к лицу конунгу надираться До беспамятства.

– Долгий разговор. – Лычко неопределенно махнул рукой, опустил лукаво сверкнувшие глаза. – Пойдем-ка в баню. Там вы и оклемаетесь, и потолкуем спокойно.

– Пойдем, – не стал отказываться Ивар.

Постоялый двор, где остановился Лычко, расположился на берегу реки. Баня – крошечная бревенчатая клетушка – возвышалась над ведущим к воде косогором.

– И здесь мы будем мыться? – недоверчиво спросил Нерейд. – Помню, были мы в Миклагарде в бане, так там мрамор, колонны, девки…

– Там не баня была! – Лычко загадочно усмехнулся. – А так, ерунда! Сейчас вы узнаете, что такое настоящая славянская баня – без девок, мрамора и колонн! Раздевайтесь!

Хозяин постоялого двора, натопивший баню для постояльцев, проводил их туда и занялся делами. Вскоре, проходя по двору, он с удивлением заметил, что слуги, заинтересованно навострив уши, толпятся у бани.

– А ну работать, бездельники! – грозно рыкнул он. Слуги разбежались, но сам хозяин замер, пораженный странными звуками, доносящимися сквозь толстую бревенчатую стену

Слышались удары, какие бывают, когда хорошо работают веником. Они заглушались нечленораздельными воплями, сменялись свирепым рычанием и плеском воды.

С грохотом отворилась дверь, оттуда высунулась мокрая рыжая башка с выпученными глазами.

– Нет, я больше не буду! – прокричала она. – Выпустите меня! Я хочу к маме!

Из бани раздалось утробное рычание, башку втянуло внутрь, и дощатая створка захлопнулась.

– Может, пытают кого? – подумал вслух хозяин, пожал плечами и пошел дальше. Если постояльцам, по всем повадкам похожим на воинов, угодно кого-то пытать, то это их дело. Слава богам, Новгород – вольный город, и каждый в его пределах властен заниматься своими делами.

Викингов из бани почти вынесли. Нерейд ругался шепотом, говорить громче сил у него не было, клялся, что хуже не чувствовал себя с самого рождения. Ивар молчал, хотя ощущал себя выстиранным бельем, которое хорошенько отжали, а после этого колотили о камни.

– Вот и отлично! – Лычко был до отвращения бодр, глаза его горели хищным пламенем. – Сейчас кваску хватанем и о делах побалакаем!

Ивар мужественно приготовился к новым пыткам, и, как оказалось, зря. Квас, коричневый, мутный напиток, похожий на воду из торфяного болота, на вкус оказался не так плох. После него голова немного прояснилась.

– Ну что. конунг, рассказывай, как ты, как твои воины? – спросил Лычко. – Семь лет – немалый срок. Многое могло случиться.

– Да все так же, – ответил Ивар. – Утюжим море брюхом драккара. Обо мне уже и сказки рассказывают по Северным Землям. Все, кого ты знаешь, живы, слава асам! Вот решили попытать счастья в Гардарики, наняться в дружину Хольмгарда. Говорят, что посадник сносно платит…

– Раньше платил, – поправил Лычко, – Сейчас с этим туго. Войны последних лет опустошили казну, своих бы воинов прокормить. Тут не до наемников.

Ладно. – Ивар усмехнулся, отхлебнул еще кваса. – Тогда поплывем назад. Мир велик, без добычи домой не вернемся. А ты что делаешь в Хольмгарде? Давно ли покинул Миклагард?

– Пять лет, и с того времени служу в стольниках у князя тиверцев Бузислава!

– У князя? – ожил Нерейд. – Бузислав выбился в правители?

– Так получилось. – Лычко развел руками, словно извиняясь, – Вот правит, а я ему помогаю.

– Как он только княжество не пропил с такими помощниками, – пробурчал рыжий викинг.

– С тобой бы точно пропил! – осадил болтуна Ивар и вновь повернулся к русичу: – А здесь-то ты что забыл? Или владения Бузислава рядом?

– Они далеко, – вздохнул бывший телохранитель константинопольского императора, – За лесами, реками и болотами. А сюда меня прислал князь – искать помощи против идущей из степи угрозы.

– Я немного слышал об этом. – Ивар ощутил, что его тащат, словно козу на веревке. Сначала случилась буря, отогнавшая корабль к Рюгену, потом драккар неведомыми ветрами занесло в Адальсюслу, а теперь еще произошла почти невероятная встреча с Лычко, который прибыл с самого юга, откуда ползет неведомое зло.

– Веками мы жили рядом со Степью… – В голосе русича зазвенела тревога, лицо стало серьезным. – Всегда воевали с ее жителями. Одно племя степняков сменялось другим, киммеры пришли вместо тернопольцев, сами погибли под мечами скифов, а тех поглотили сарматы. Всех не упомнить… Но нынешние, которые явились с востока пять лет назад, они даже не люди… Тиверцы самые свирепые воины, мы еще отражаем набеги, а наши соседи, дулебы, волыняне, сочли за лучшее отступить в глубь лесов и сами теснят северные племена. И там свары, раздоры, кровь…

– Война дошла до моря, – тихо откликнулся Ивар, – и ладьи вендов несут смерть на берега Вестфольда и Трандхейма.

– Вон оно как… – Лычко совсем погрустнел. Выглядел он точно волк, отбившийся от стаи. – Наших сил уже не хватает, чтобы отражать супостатов, и князь послал меня сюда, чтобы испросить помощи у Господина Великого Новгорода! Словене всегда были охочи до драки.

– Судя по твоему невеселому виду, успеха ты не добился? – предположил Нерейд. – Куда веселее выбивать друг другу зубы на улицах, чем лить кровь под мечами степняков!

– Наверное, так. – Русич отхлебнул еще кваса, поперхнулся, – Посадник ответил мне, что им не до южных дел, что чудь напирает, ижора совсем обнаглела, а пермь отказывается платить оброк!

– Послал, короче, – заключил Нерейд, – И совсем не к асам на пир!

– Интересно, – Ивар взглянул собеседнику в желтые глаза, – почему ты говоришь «мы», упоминая о тиверцах? Ведь ты невр!

– И что? – удивился Лычко, – Все мы потомки Таргитая, будь то невр, словенин или даже лях. И пусть деремся меж собой не хуже чем голодные собаки за кость, так это наша драка, и пусть чужой не лезет! Воюя со Степью, я сражаюсь не за свою семью, род или даже племя, а за родину, что тянется от Русского до Варяжского моря и которую вы, северяне, зовете Гардарики! Неужто ты бы не вступился за отчизну, угрожай ей враг?..

– Отечество морского конунга – его драккар! – отчеканил Ивар, выпячивая подбородок, – А единственное, за что он может сражаться, – это слава и золото!

Нерейд фыркнул. Ивар нарочито не обратил на это внимания.

– Да? – удивился Лычко, – Хорошо. А как насчет того, чтобы добыть славу и золото в боях за чужую отчизну? Бузислав велел мне принимать на службу наемников, буде такие найдутся.

– Я так думаю, что воевать придется на суше, а тут мы, викинги, не особенно умелы, – буркнул Ивар. – Вот если бы пришлось сражаться на воде. И куда я дену драккар?

– Его можно пристроить, – взгляд русича стал пристальным, цепким, – хотя бы к причалам твоего друга Буслаева. Он не только задира и пьяница, а еще и богатый купец. Оставишь с десяток воинов, чтобы охраняли его, а с остальными двинешься со мной. А на что вы способны на суше, я очень хорошо представляю!

– Нет! – Ивар тщетно искал причины для отказа, но их не было. Не хотелось чувствовать себя лишь фишкой в руках бога, который двигает ее куда ему заблагорассудится.

– Вспомни, что говорил Арнвид, – негромко сказал Нерейд. – Если южные племена двинутся на север, то вендам ничего не останется, кроме как переселяться. И тогда, сколько ни добудь ты золота и славы, окажутся они ни к чему, ибо некому будет эту славу воспевать и

никакое золото не возродит из пепла твою усадьбу и тех, кто в ней живет. Настоящий мужчина отвечает не только за тех, кто рядом с ним, но и за отечество!

– Ладно. – Ивар сжал челюсти, заскрипел зубами. Одно дело, когда попрекает эриль, а другое – когда наглая, хитрая рожа, славная лишь пьянством да зубоскальством. – Дело серьезное. Я должен посоветоваться с дружиной. Приходи завтра на мой драккар, Лычко, там я дам тебе ответ.

– Хорошо, – кивнул русич, – Еще кваску – на посошок?

– Харек?

Молодой викинг остался последним, кто еще не высказался. Услышав вопрос конунга, он вздрогнул и обвел дружину беспомощным взором. Темные глаза юноши блестели, будто ягоды терновника

– А что – я? – смутился он. – Я как все…

– Да, для битвы ты уже набрался смелости, для речей – нет, – покачал головой Ивар, вспоминая, что когда-то слышал подобные слова, обращенные к нему самому. – Запомни: в нашей дружине нет рабов и каждый имеет право слова, особенно когда конунг просит совета.

– Тогда я бы вернулся назад. – Харек опустил взгляд.

– Ладно, – Ивар с трудом сохранил бесстрастие. Из всей дружины его поддержала в лучшем случае треть. Остальные рвались воевать за тиверцев так, словно им сулили намазанные медом золотые горы и сладостную ночь с Фрейей в придачу. – Осталось лишь вопросить руны. Арнвид, что уготовила нам Судьба?

Эриль встал, важный, словно цапля посреди болота, с легким шорохом развернул льняной платок. Со стуком посыпались на него плашки, вырезанные из моржового клыка.

– Трудности, смерть, божественная помощь, – скороговоркой сказал Арнвид после минутных размышлений. – Решай, конунг…

Лычко, допущенный на совет дружины, затаил дыхание.

– Хорошо, мы отправимся в земли тиверцев, – чувствуя, что режет себя ножом по горлу, подытожил Ивар. – Здесь останутся… – Тут неслышно напряглись все викинги: никому не хотелось протирать штаны в Хольмгарде, пить пиво и дуреть от скуки, пока остальные будут кровавить мечи, ища милости Гаута. – Арнвид, Гудрёд, Рёгнвальд…

Он назвал еще десять имен. Близнецы дружно выругались, остальные неудачники склонили головы, но спорить не стали. Знали – бесполезно.

– Спасибо, – сказал подошедший к Ивару Эйрик, – а то я уж начал бояться, что погибну не в бою…

Ивар вздрогнул, понимая, что, взяв с собой бывшего наставника и старого друга, рискует оказать воину, разменявшему полстолетия, совсем не ту услугу, о которой изначально думал.

– Почему?.. – спросил конунга подошедший Гудрёд.

– Две Марки стар, – просто ответил Ивар. – Скоро мне будет нужен новый помощник. Ты останешься здесь в качестве старшего. Кому, как не тебе, я могу доверять?

– Кому, как не мне?.. – Гудрёд, за шрам на лбу получивший прозвище Меченый, криво улыбнулся и отошел.

– Не бойся, – Арнвид выглядел спокойным, словно не его только что лишили возможности участвовать в походе, – я не буду разбрызгивать слюну, разрываясь от ярости. Подожду вас в Хольмгарде. Местные волхвы много знают, а эрилю никогда не поздно научиться чему-либо новому… И помни, что боги, – тут взгляд Лысого стал твердым, – не в силах вынудить нас к чему-либо. Все решения мы принимаем сами и л»ишь потом сваливаем на Высших, чтобы оправдать свои колебания и неудачи… Забудь о Свентовите и действуй так, как подобает конунгу!

– Хорошо, – Ивар меньше всего ожидал, что Арнвид начнет его утешать, и потому слегка растерялся, – я постараюсь…

– Поставить драккар к одному из моих причалов? – Буслаев, нос которого распух до размеров крупной репки, а лоб украшала царапина, нанесенная чем-то острым и тяжелым вроде топора, лишь мгновение выглядел озадаченным, а потом от души рассмеялся. – Нет проблем! Для своих корешей я на все готов!

– Как он нас назвал? – тихо спросил Ивар у Лычко, – Кореша? Что это значит?

– Корешки, – неуверенно пояснил русич, – те, с кем растешь в одной почве. Хотя Ящер его знает, у этих словен такие странные прибаутки…

– Оставшихся тоже пристрою! – продолжал реветь Буслаев. – В охрану. Пусть мои обозы сопровождают, чтобы без дела не сидеть. Эриль? А кто это? А, волхв… И ему дело подыщем, хотя бы рожу мою чинить…

– Такую рожу чинить – не эриль нужен, а плотник, – рассмеялся за спиной Ивара Нерейд.

– Ну что, дела решили? – Буслаев довольно осклабился, пустив волну чесночного запаха. – Тогда гуляем!

Ивар про себя застонал.

Когда они вышли из дома Буслаева, была уже глубокая ночь. В черном, словно крылья нетопыря, небе висела громадная круглая луна, похожая на старый щит, покрытый серебром. Металл кое-где потемнел, но еще держался. Неодобрительно моргали, созерцая спящий город, звезды.

– До встречи, – Ивар пожал Лычко руку, и русич растворился во мраке.

Вдали лаяли, собаки, свежий ночной ветер овевал разгоряченное лицо, за спиной бормотал и топал сапожищами Нерейд, которого слегка заносило на поворотах, и на шорох в стороне Ивар не обратил внимания. Мало ли, кошка пробежала или крыса…

Мелькнула растопыренная тень, Ивара шатнуло. Что-то пролетело совсем рядом, с разочарованным шорохом разодрав воздух, плечо засаднило от боли.

– Клыки Фафнира! – Ивар отскочил в сторрну, обнаружив, что Нерейд медленно валится на землю, а на него самого наступают сразу двое. В руках их ловко крутились, то застывая на месте, то превращаясь в смазанный блик, короткие, окованные металлом дубинки, одна из которых только чудом не угодила Ивару в голову.

Он зарычал, рванул из-за пояса меч – и тут же получил удар по руке. Боль была такая, что из глаз брызнули слезы, а гневный рык замер прямо на губах.

– Можешь кричать, конунг, – сказал один из нападавших мягким, бесплотным голосом, – Можешь сражаться, но ты теперь наш!

– Кто вы такие? – Ивар отступил еще на шаг и спиной ощутил, что уперся в забор. – Что вам нужно? Золото?

– Мы не грабители, – ответили ему сдавленным голосом. Самое странное, что Ивар не мог определить, кто именно из двоих говорит. – И деньги нам не нужны. Просто настал твой час умереть…

Ивар, оставив попытки вытащить оружие, бросился на того, кто надвигался с правой стороны, стремясь сбить с ног, повалить на землю. Но юркий обладатель дубинки ускользнул со змеиной ловкостью, а удар второго пришелся по ребрам конунга, которые едва не затрещали от такой ласки.

– Ты сопротивляешься… – Так могла бы смеяться гадюка, – Это даже занятнее!

Ивар замер, вновь прижавшись к забору. Мысли лихорадочно колотились в тяжелой от выпитого голове, дыхание вырывалось из груди маленькими белыми облачками и растворялось в воздухе.

Как растворится вскоре и жизнь конунга по прозвищу Ловкач..

Высокая тень бесшумно поднялась за спинами нападавших, рев, достойный бешеного тура, прорезал тишину, и меч ударил со скоростью падающего камня. Один из любителей махать дубинками рухнул, второй, фыркая взбешенной рысью, отскочил в сторону.

– Ну что, гады? Сразимся? – прохрипел Нерейд, крепость головы которого ночные убийцы явно недооценили. Лицо рыжего викинга было черным от натекшей на него крови, но двигался он уверенно.

– Сразимся! – подтвердил Ивар, извлекая из ножен клинок. – Сопротивляйся, так будет интереснее…

Но обладатель дубинки вовсе не собирался биться с двоими разъяренными викингами. Развернувшись, он пустился наутек. Мелькнула в лунном свете низкорослая фигура в мешковатой одежде, и мягкий топот стих в тишине.

– Вот так всегда!.. – В голосе Нерейда слышалось разочарование. – Как бить но башке со спины – он готов, а как честно позвенеть сталью, порадовать валькирий – тут же удирает! Что за жизнь, клянусь задницей Фенга!

– Хватит ругаться. – Ивар спрятал клинок, пощупал плечо, которое после удара немилосердно ныло. – Выволоки лучше этого на свет, посмотрим, что за птица…

– И кто это оказался? – поинтересовался Лычко.

– А Хрофт его знает. – Ивар пожал плечами и сморщился от боли. Ушиб, по поводу которого Арнвид ругался довольно долго, до сих пор мешал двигаться. – Маленький, но крепкий, одежда вся серая, всякой мелочью напичкана ножами, веревками, бутылками какими-то… А еще на теле, под мышкой, крохотное тавро выжжено – крестик какой-то. Концы еще загнуты как-то хитро, против хода солнца…

– Мертвецкое коло! – Видно было, как посланник князя тиверцев побледнел. – Удача опять была с тобой, конунг! Ты выжил после встречи с воинами Чернобога!

– Не удачу надо благодарить, – хмыкнул подошедший Арнвид, – а вон того балбеса, голова у которого крепче, чем у инеистого великана!

И эриль потыкал пальцем в сторону Нерейда, который беззаботно храпел на лавке, подставив солнышку мускулистый, покрытый белыми полосками шрамов торс.

– Что еще за воины Чернобога? – поинтересовался Ивар.

– Когда Род начал творить мир, – голос Лычко стал торжественным, словно у жреца, произносящего гимн, – он создал себе в помощь двоих сынов, Белобога и Чернобога..

– Короче, – оборвал излияния русича Арнвид. – Если бы я каждый свой совет конунгу начинал с Имира, то меня давно бы выкинули за борт!

– Если короче, – не стал артачиться Лычко, – то это душегубы, поклоняющиеся самому черному из богов. Днем они могут быть кем угодно – купцами, мастеровыми, даже воинами. А ночью становятся убийцами. У них свои воеводы, волхвы, тайные знаки. Тот, кто желает смерти врага, должен найти скрытое капище и принести там жертву. Считается, что Чернобог услышит его и укажет своим воинам на обреченного…

– Знаем мы, как он укажет! – Арнвид презрительно фыркнул, – Жертва наверняка приносится золотишком, а к ней прикладывается кусок бересты, на котором все написано. У вас тут черты и резы кропать многие горазды…

– Горазды, да не в этом дело. – Русич покосился на лысого эриля как на сопливого несмышленыша. – Дело в том, что кто-то заплатил за убийство Ивара, и заплатил немало. Слуги Чсрнобога задешево не продаются… А взяв заказ, исполняют его, чего бы это им ни стоило!

– То есть будут еще попытки? – Ивар ощутил холодок в груди. Его пытались убить десятки, если не сотни раз, но всегда лицом к лицу, а не тайно, в спину, подкравшись из-за угла.

– Обязательно! – кивнул Лычко. – Поэтому отправляемся завтра же, а сегодняшнюю ночь проведешь на драккаре, и пусть караульные бдят!

– Они и так бз… бдят так, что дышать нечем! – вставил слово проснувшийся Нерейд. Он потянулся и стал похож на громадного рыжего кота. – А что завтра выходим – это добро!.. Надоело на одном месте торчать!

Дюжие молодцы на причале навалились, крякнули, кто-то от избытка чувств помянул Ящера, струг со скрипом и плеском сдвинулся и поплыл прочь от берега. Река приветливо тыкалась в борта, ветер нес сырые запахи.

Ивар стоял на носу, не оборачивался. Знал, что с причала машут руками Васька Буслаев, Арнвид, Гудрёд с Рёгнвальдом, другие викинги, что остались в Хольмгарде. Незачем смотреть в лица тем, кого можешь в этом мире больше не увидеть.

– Как плыть на этом, конунг? – В голосе Сигфреда звучала растерянность. Струг хоть и похож на маленький, странно округлый драккар, все же совсем другой корабль: все тут чужое, непривычное. – Не перевернемся?

– Не должны, – Ивар повернулся к дружинникам. Те расселись на коротких лавках, растерянные, точно гуси, очутившиеся вместо привычного пруда в бурном море. Все ждали, что конунг вселит .в них уверенность, и никого не волновало, что у него самого душа утекла в пятки. – Весла вставьте и не ленитесь, а то Лычко со своими, что горазды только ложкой грести, нас обгонит…

Второй струг, на котором плыл русич с тиверскими дружинниками, резво вырывался вперед.

– Что? – возмутился Нерейд. – Какие-то сухопутные жабы нас обойдут? Ни за что, клянусь девственностью Фрейи!

Задетое самолюбие – хорошее средство против неуверенности, зашлепали о воду весла, легкие по сравнению с. теми, которыми гребут на драккаре, палуба огласилась слитным сопением.

– Вот так! – покрикивал от рулевого весла Эйрик. – Раз-два! Раз-два!

Мимо плыли поросшие кудрявыми елками берега. Река, неторопливо журча, бежала на юг.

Лычко догнали быстро, обошли и пристроились спереди. Почти сразу река кончилась, дальше раскинулась широкая водная гладь. Над ней порхали птицы, отражения облаков плыли мрачно и величаво, словно ползущие по дну юры снега.

– Море? – ахнул кто-то из викингов.

– Ильмень-озеро! – пояснил Лычко со своего струга. Шли вдоль берега, одно за другим минуя большие, богатые селения. С суши махали стирающие белье бабы, дружной гурьбой, со свистом, бегала ребятня. Гладь Ильменя была усеяна рыбацкими лодками. Те неспешно, с достоинством отступали, освобождая дорогу.

– Совсем они тут набегов не боятся, – с осуждением бурчал Нерейд, орудуя веслом. – Непуганые!

– А чего им опасаться, – рассудительно ответил Ингьяльд, – если таких, как ты, воевода Налим еще у моря встречает?

Нерейд насупился, но смолчал.

Желтое, точно мед, солнце неторопливо клонилось к закату, поливая озерную гладь потоками золота. Берег по левому борту был дикий, заросший камышом. Стаями поднимались утки, от кряканья закладывало уши.

– Пристаем!.. – донесся крик со струга Лычко, которого все же пропустили вперед, чтобы сдуру не заплыть невесть куда.

– Куда? – проворчал Нерейд. – На болоте ночевать будем, что ли?

Шелестящая стена камыша внезапно осталась позади, на пологом зеленом берегу обнаружился негустой лиственный лес. Гордо белели стволы берез, похожие на колонны из серебра.

– А вот сюда и причалим… – распорядился Ивар. – Табань!

Нос струга мягко ткнулся в песок. Ивар первым спрыгнул на сушу, ухватился за борт, липкий от смолы

– Тащи! – велел конунг. Последовал рывок, и легкое суденышко в одно мгновение оказалось на берегу.

– Да, это не драккар тягать! – задумчиво заявил Нерейд.

– Именно, – кивнул Ивар. – А поэтому все живо за дровами!

Викинги завыли, словно стая волков, которых кто-то обозвал шавками, но разбежались по сторонам быстрее почуявших опасность тараканов. Тиверцы суетились вокруг костра, один сыпал что-то в громадный, закопченный котел.

– Охрану поставили? – спросил Ивар у подошедшего Лычко.

– От кого? – махнул рукой тот. – Тут еще новгородские земли, безопасно. Вот ночью выставим дозоры…

– Ладно, – не стал спорить конунг. – Пойду тогда руки от смолы отмою.

– Осторожнее, – предупредил Лычко. – Ильмень – древнее озеро, оно было еще до того, как в эти земли пришли люди.

– И что?

– Хозяева здесь водяницы! – С лица бывшего императорского охранника слетела вечная ухмылка. – Сейчас, в начале лета, они особенно опасны. Лучше не ходить к воде по одному!

– Ничего! – Ивар гордо выпятил подбородок. – Я не боялся джиннов и альвов, сражался с йотунами и мангасами, неужто испугаюсь водяниц?

– Ну смотри. – И Лычко отошел в сторону.

Вода Ильменя была холодной, словно текла с ледника. Ивар мыл руки, когда в воде перед ним что-то блеснуло. Конунг присмотрелся и судорожно сглотнул – на дне, разглядывая его, ворочалась девка с рыбьим хвостом. Чуть заметно колыхались зеленые длинные волосы, похожие на водоросли, изо рта дразняще высовывался кончик языка. Чешуйки на хвосте серебрились, взгляд приковывала грудь, крупная, тяжелая, с торчащими алыми сосками.

По телу прокатилась сладостная судорога…

Водяница вздрогнула, распахнулись огромные синие глаза. Шевельнулся хвост, и дева-рыба исчезла, словно ее и не было, лишь взметнулось со дна облачко ила. В десятке шагов от берега вода вспенилась, забурлила. Из глубин поднималось нечто огромное, тяжелое.

Ивар шагнул назад, ладонью нащупал рукоять меча.

Волны плеснули в стороны, из них высунулась гигантская, украшенная усами голова. Она могла принадлежать сому, если бывают сомы, способные проглотить лошадь. В круглых мутных глазах светился ум, а над жабрами желтел тонкий ободок – Ивар едва не ахнул – из настоящего золота!

Царь-рыба некоторое время подозрительно смотрела на викинга, а потом бесшумно, без единого всплеска, ушла в глубину. Мелькнуло и пропало громадное тело, похожее на ствол векового дуба.

Только в этот миг Ивар осознал, как далеко он забрался от родных фьордов. По спине пополз холодок.

Глава 5
ИГРЫ КОЛДУНОВ

– Рыба с золотой короной на голове? – Ингьяльд с недоумением уставился на Ивара и явно размышлял, не тронулся ли конунг умом. – Нет, не слышал никогда..

– Говорят, что так является людям бог Ильменя, – благоговейно сказал один из тиверцев. – Он настолько стар, что не умеет оборачиваться человеком, только рыбой или зверем.

– Похоже, что ты чем-то его заинтересовал, – прищурился Лычко. – Счастье, что не рассердил. Может быть, стоит принести жертву? Что скажешь, волхв?

– Я подумаю над этим. – Ингьяльд почесал лохматую голову, насупился. – Хотя зачем? Ведь не по Ильменю же мы доплывем до ваших земель?

– Нет, с завтрашнего дня пойдем по рекам, – степенно ответил русич. Багровые отсветы костра превращали его лицо в дикую, хищную маску, а уши, казалось, подергивались, ловя доносившиеся из леса звуки. – Но кто знает, докуда тянется власть Ильменя?

– Это уж точно, – кивнул Ивар. – С богами лучше не ссориться, так что давай, Ингьяльд, маленько потрудись. Зря тебя, что ли, с собой брали?

Эриль мрачно засопел, потом ушел в темноту. Оттуда доносился грохот, словно ворочали громадные камни.

– Чего это он? – испуганно поинтересовался Харек.

– Нож каменный точит, для жертв, – с серьезным лицом объяснил Нерейд. – Старые боги кровожадны! Им человеческая жертва нужна. А кем в нашей дружине не жаль поступиться? Самым бесполезным, то есть тобой. Так что давай готовься – молись там, постись.

Харек побелел как полотно, его глаза расширились, и он стал похож на жабу, проснувшуюся после зимней спячки.

– Алтарь я возвел, – заявил Ингьяльд, возникая из тьмы бесшумно, будто неуклюжий и очень нескладный призрак, – До утра добудьте мне какого-нибудь зверя. Жертву принесем на рассвете.

Харек выдохнул с такой силой, что едва не разметал костер. Угли зашевелились, вспыхнули красным – к темному, покрытому тучами небу взметнулся сноп искр.

Лес стоял сплошной стеной. Зеленые ветви сплетались, образуя плотную, колышущуюся завесу, а стволы теснились точно доски в заборе. Ветер шевелил листья, и чаща рокотала – глухо, угрожающе.

– Как там можно жить? – спросил Ингьяльд, зябко передернув плечами. – В вечной тени, не видя солнца, простора…

– Можно, и не хуже чем у нас, – ответил Ивар, зорко следя за идущим впереди стругом Лычко. Судя по словам русича, вот-вот должна была открыться река, в которую предстояло свернуть.

Жертва пришлась по вкусу седому Ильменю. Второй день струги резали гладкую, без единой морщинки, воду, ветер послушно наполнял паруса, а рыба сама выскакивала на берег и чуть ли не запрыгивала в котелок.

– Вот она! – сказал Нерейд.

Полог леса раздвинулся, открывая неширокую реку. Струг Лычко уже подплывал к устью.

– На весла!.. – зычно скомандовал Ивар. – Тут против течения идти, так что за работу! А то обленились совсем, клянусь копьем Хродвитнира!

Весла вспенили прозрачные воды озера. Поросший лесом берег надвинулся, зашумели по сторонам деревья, и струг оказался в узком извилистом коридоре с отвесными серо-зелеными стенами и потолком из чистой глазури. Стволы вырастали как будто прямо из воды.

Ветер остался где-то наверху, над кронами, и над Речной гладью воцарилось безмолвие. Можно было слышать, как бурчит в животе у Кари и как падают в воду срывающиеся с весел капли.

– И тишина, – сказал странно изменившимся голосом Ингьяльд, – и только мертвые с косами стоят…

– Это ты о чем? – не понял Ивар.

– Да так, видение. – Ингьяльд смутился, опустил голову, – Что я за эриль, если у меня даже видений нету?

– Пусть будут! – не смолчал, как обычно, Нерейд. – Да только более приятные. А то мертвые, с косами… Аж мурашки по коже!

– Эти мурашки размером с жуков, – проворчал Эйрик. – Иные твою дубленую шкуру не прокусят!

Дружинники загоготали.

– Хватит ржать, – одернул их Ивар. – Надели бы лучше кольчуги. Новгородские владения кончились, из-за любого дерева может вылететь стрела или что похуже.

Что именно, уточнять не стал – пусть дружинники поломают голову, сами себя слегка напугают. Легкий страх вредит только новичку, опытного воина делает злее и осторожнее.

Шутки смолкли. Викинги гребли в полной тишине, напряженно вглядываясь в такие близкие берега. От одного до другого долетит стрела, так что засаду можно устроить сразу на обоих, а уж мест, чтобы спрятаться, тут больше, чем в старом замке.

Вода у берега плеснула, завертелась в водовороте, из него высунулась бородатая и патлатая рожа размером с ведро, выпучила на струг белесые зенки. В открывшейся пасти блеснули острые, похожие на щучьи, зубы.

Харек, напряженный, точно рысь на дереве, подскочил, сцапал лежащий наготове лук. Его дрожащие пальцы никак не могли выхватить из колчана стрелу.

– Спокойнее, – бросил Ингьяльд, который чуть не перевесился через борт, – это всего лишь водяной. Редкая форма жизни, приспособленная к обитанию в речных ареалах лесной полосы…

– И этот туда же, – вздохнул Нерейд, взявший водяного на прицел. – Несет невесть что. Форма жизни… форма смерти… Ты скажи, стрелять в него или погодить.

– И не пробуй, – вздохнул эриль. – Не убьешь, а только разозлишь, а неприятности он может устроить немалые.

Водяной без плеска ушел под воду и тут же возник у самого борта. В воздух взвились длинные, покрытые чешуей лапы с перепонками между пальцами и едва не сцапали эриля за шею. Тот отпрянул, с грохотом брякнулся на лавку.

Харек пустил стрелу, та с раздраженным бульканьем канула в воду, но водяной уже исчез, словно его и не было.

– Это он тебе за форму жизни, – заметил Нерейд, отсмеявшись. – Видно было, что нарочно не дотянулся, напугать только хотел. Будешь в следующий раз знать, чего говорить!

Ингьяльд сконфуженно сопел, щупал ушибленный затылок.

Чем дальше, тем теснее сходились берега, и вскоре вместо неба вверху был сплошной полог из ветвей и листьев. Там пищали, шуршали, скреблись, и на палубу время от времени падали перья и клочки шерсти. Из глубин леса доносился вой, протяжные стоны, рычание. Чаща жила своей жизнью, так же мало обращая внимания па людей, как река – на упавший в нее лист.

– К берегу! – донесся протяжный крик с переднего струга, и тот приостановился, повернул. По левую руку открылась небольшая полянка, заросшая высокой травой.

– Да там же занято, – удивленно вздохнул Нерейд. Среди травы, сцепившись в драке, катались два самых странных существа, которых Ивару только доводилось видеть. Словно составленные из сучков и палок, длинные, изломанные, они были покрыты листьями, иголками и даже шишками. Колотили друг друга руками, отчего по лесу разносился глухой, деревянный стук, издавали пронзительные, свистящие звуки.

На струги и людей не обратили никакого внимания.

– Кто это? – спросил Ивар, приставая к берегу.

Славяне смотрели на древолюдей без страха и удивления.

– Лешие, – ответил Лычко с досадой. – До следующей удобной стоянки еще верст с десяток, засветло не доплывем. Так что придется ждать, когда закончат свои разборки…

– А если шугануть? – предложил Сигфред.

– Ага, а потом на тебя, спящего, дерево свалится или – еще хуже – на струг, борт проломит, – покачал головой русич. – Нет уж, тут, в лесу, они хозяева, а к хозяевам надо относиться с почтением. Даже к неразумным…

– Сунешься к этим формам жизни – башку оторву! – Нерейд понял все по-своему и показал Ингьяльду здоровенный кулак. – А то знаем мы вас, эрилей. Пивом не пои, дай что-нибудь новое узнать…

Наконец дерущиеся убрались в лес. Оттуда донеслись мощные удары, словно оба расшибали лбы о стволы. Все эти звуки сопровождались шумом ломаемых ветвей, треском.

– Разводите костер! – скомандовал Лычко. – Они могут драться дни и ночи напролет, но к огню не сунутся.

– Не дураки, – оценил Нерейд. – Понимают, что сгорят!

В зарослях у берега что-то затрещало, оттуда высунулась зубастая треугольная морда, покрытая крупными, с ладонь, зелеными чешуйками, мгновение злобно смотрела на людей. Затем зверь, длинный, точно бревно, резво сполз в воду.

– Отродье Фенрира! – поразился Нерейд. – Какая только пакость не живет в этом лесу!

– Если и отродье, то Мирового Змея, – педантично поправил Ингьяльд. – Это ящер, он тут у них самый обычный хищник, вроде волка.

– Обычный? – усмехнулся кто-то из дружинников. – Это такая-то страхолюдина?

– Самый жуткий из хищников – человек, – возразил Ивар. – Что рядом с ним ящер или даже дракон?

Вода перед носом струга вдруг вспучилась полупрозрачным горбом, словно невидимый зверь решил почесать о корабль крутую, спину. Раздался треск, и Ивар ощутил, что летит кувырком.

Его ударило в спину, в глазах потемнело. Темнота сменилась мелькающими звездами, в ушах зазвучали полные недоумения и ярости крики.

– Враги, конунг! Враги! – орал кто-то.

Это слово привело Ивара в чувство лучше самых сильных заклятий. Значит, не просто бревно, высунувшееся из-под воды, а хитрый неприятель, с которым надо драться, которого нужно одолевать.

Не обращая внимания на звон в башке, конунг вскочил на ноги, меч, словно сам оказался в руке.

Струг ковылял как раненая лошадь, быстро оседая в воде. С берега летели стрелы, со злым гудением впивались в борта. Ингьяльд стоял на коленях, стремительными росчерками рисовал на палубе руны. Сотканные из алого пламени священные знаки горели ярко, но быстро гасли.

– Нас атаковали колдовством! – крикнул эриль, лицо которого скривилось, точно от сильной боли. – Струг вот-вот затонет…

Судя по хлюпающим звукам, пробоина внизу была с конскую голову. Ингьяльд пока сдерживал напор воды, но надолго ли его хватит?..

– К берегу! – рявкнул Ивар. – Кари, прикрываешь рулевого! Остальные к оружию! Одину слава!

– Одину слава! – крикнули вроде недружно, но боевой клич успокоил. Стрелы, в первые мгновения сразившие нескольких воинов, теперь лишь бессильно скрежетали о щиты. Когда берег оказался рядом, викинги сами стали прыгать через борт. Зазвенела сталь и выше, там, где до суши почти доковылял струг Лычко. Точнее, Развалился на куски в двух шагах от берега. Тиверцы с ревом устремились к деревьям.

Ивар спрыгнул на землю, стрела свистнула рядом, сорвав клок волос на виске. Конунг мягко спружинил ногами, перекатился, перед ним выросли сразу двое воинов в легких кожаных доспехах. Сквозь прорези шлемов блестели злобные глаза, руки сжимали небольшие овальные щиты и длинные, тяжелые мечи.

Ивар одним неуловимым движением отразил оба удара и тут же атаковал сам. Клинок его, легко прорезав щит и доспехи, углубился в мягкую плоть. Один из напавших воинов с криком отпрянул, из зияющей раны хлестала кровь, второй попробовал уклониться от удара, но неловко зацепился за кочку, замахал руками… И голова в шлеме покатилась в сторону, а потом остановилась, упершись обрубком шеи в муравьиную кучу.

Вылетевший из глубины леса топор саданул Ивара обухом с такой силой, будто в лоб ему лягнула копытом лошадь. В глазах потемнело… Очнулся конунг, стоя на четвереньках, во рту был привкус крови, перед глазами плавали клочья тумана.

Прямо на Ивара, оскалившись, мчался коренастый ратник в подпоясанной длинной кольчуге. Конунг попытался подняться, но руки и ноги подламывались, силы было меньше, чем в высохших прутьях.

Откуда-то сбоку выскочил Сигфред, перехватил занесенную руку с топором. Лицо коренастого исказилось, он что-то выкрикнул. Затрещал кустарник, из леса один за другим выскакивали одинаковые, как гороховые стручки, воины.

Сигфред отшвырнул от себя противника, завыл. Берсерка била дрожь, с губ летели клочья пены.

– Конунга бьют! – крикнул кто-то в стороне.

Ивар вновь провалился в беспамятство, а когда очухался, то вокруг были только ноги. В грязных, чиненых сапогах, они яростно топтали траву, месили грязь, а сверху доносился беспрерывный звон От него болезненно ныло в ушах.

Ивар сцепил зубы: стыдно для конунга, стоять вот так, в позе гордого хищника, когда его дружинники рубятся с врагами. Он из последних сил поставил на ноги свое отяжелевшее, словно мешок с рыбой, тело.

– Пустите… – Вместо крика получился хрип. – Я сейчас!.. Я им!..

Но схватка уже заканчивалась. Среди деревьев мелькали быстро удаляющиеся спины. Налетчики, получив отпор и оставив на берегу лесной речушки немало трупов, предпочли дать деру.

– Ты как, конунг? – участливо пробасил Кари. Из его глаз уже испарился багрянец боевого бешенства, они вновь были синими, точно сапфиры из короны императоров Миклагарда.

– Нормально, – ответил Ивар, щупая лоб. Там вздувался громадный синяк, далеко не первый, полученный на гостеприимной земле Гардарики. – Что с потерями?

– Эриля уперли… – растерянно сказал Нерейд.

– Что? – В первое мгновение Ивар не поверил ушам, а потом ощутил, как изнутри поднимается мороз бешенства. – Как вы могли допустить такое?

– Он же выложился весь, струг спасая, и сам защищаться не мог, – пояснил Эйрик. Рукав кольчуги у него был распорот, по руке стекала кровь и капала на зеленую росистую траву – А мы все на тебя отвлеклись. Я только гляжу, а его уже тащат. Ринулся было вдогонку, да куда там – стеной встали…

Только неясно, зачем им эриль? – недоуменно спросил Нерейд. – Он же не красна девица, чего его похищать?

– Зачем-то нужен. – Ивар ощутил, как у него иссякли силы. Хотелось сесть, просто привалиться спиной к дереву и не думать ни о чем. – Ладно, там разберемся. Сколько погибших?

Убитых оказалось пятеро. Струг, наполовину затопленный, лежал около самого берега, нос его торчал из воды, словно морда тюленя.

– Вытаскивайте груз, – велел Ивар. – Эйрик, проследи и выстави стражу. Я пойду узнаю, что у Лычко.

Тиверцы от нападения пострадали еще больше, чем викинги. Струг развалился на части, и спасти то, что было в нем, смог бы разве что водяной. Погибших оказалось, чуть ли не с десяток.

– Кривичи, – с отвращением сказал Лычко, сидящий на корточках возле одного из трупов.

– Кто? – не понял Ивар.

– Одно из кривичских племен, – пояснил Лычко, поднимаясь на ноги. Лицо его было красное, злое. – По щиту и шлему видно. Да и из луков так метко только они стреляют. От этого и название пошло – один глаз прищуривают, когда целятся.

– Это все интересно, – Ивар не оценил новых знаний, – но зачем они нашего эриля умыкнули?

– Эриля? – Лычко наморщил лоб, лицо его украсила недоверчивая ухмылка. – Это Ингьяльда? Надо же, я слышал, что в этих местах какой-то князь-колдун завелся, да не верил… А так похоже, что правда…

– Что за князь? Всех кривичей?

– Нет, местный, – пояснил Лычко. – Кривичи, как и словене, и тиверцы, – громадные союзы, в каждый входит несколько десятков разных племен. У каждого свой князь, свои воины, объединяются только ради того, чтобы отбить врагов или самим напасть на соседей…

– Это как? – Подобное звучало дико, как если бы жители Трандхейма пошли войной на обитателей Уппленда. Да, и в Северных Землях случались свары между конунгами, но они решались схваткой дружин.

– А так просто. – Голос Лычко стал грустным. – Если бы мы, славяне, объединились, то завоевали бы весь мир, дошли бы до Царьграда и Багдада… Но вместо этого рвем друг другу глотки, словно бешеные волки – чужаков нетерпим, но соседей ненавидим люто. Кривичи воюют со словенами, для вятича нет более лютого врага, чем северянин, а поляне спят и видят, как будут жечь дома тиверцев, мять их жен, уводить в полон детей… И внутри многих союзов кипят кровавые свары: решают, кому быть главным племенем, чей князь сильнее!

– И у вас так же?

– Нет, у нас на юге Степь, с ней можно бороться только объединившись. – Лицо русича потемнело от злости. – Да и Бузислав не дает воли, смутьянов давно перевешал на потеху воронам! А здесь каждый хозяин лесного угла мнит себя светлейшим князем…

– Как тот, кто спер нашего эриля? – Ивар в изумлении крутил головой. Что ни земля – свои нравы. В Бретланде рыцари расшибают лбы и доспехи ради женских платков, в царстве песка, что лежит далеко на юге, не пьют хмельного, а здесь, среди леса, такого дикого, что и медведь заблудится, сражаются не на жизнь, а насмерть только из-за того, что живут рядом.

– Да, – кивнул Лычко. – Зорян, подойди. Расскажи, что ты слышал о князе Ярополке…

Высокий воин с пышными пшеничными усами отделился от прочих дружинников. В его синих глазах стояла горечь – явно потерял в бою друга.

– Я служил в этих местах, у предыдущего князя. А нынешний – сын его – после смерти отца заявился, брата умертвил и сам воссел на престол. Оборотень он, сказывают, – мрачно пророкотал Зорян. – Чары злые ведает, к черным богам взывает, всех волхвов в своих владениях вывел.

– Так, значит, волхвов ему мало, эрилей подавай, – Лицо Ивара перекосила нехорошая ухмылка. – Не знает, с кем связался, тварь! Вздумал бодаться? Получит по рогам!

– Ты что замыслил? – встревожился Лычко, взмахом Руки отпуская дружинника.

– Надо Ингьяльда выручать, – буднично ответил Ивар. – Любого воина можно заменить, но без эриля нам придется туго. Кто будет слагать саги, хвалебные висы складывать, лечить, наконец?

– Ты спятил? – Глаза русича округлились как у филина, завидевшего мышь. – Твоего эриля утащили во владения Ярополка, заперли в крепости! В нее не проникнуть, да еще помни, что здесь кривичи хозяева, они каждый куст знают, а ты, прежде чем туда доберешься, десять раз сгинешь!

– Посмотрим, чья удача больше. – Ивар равнодушно пожал плечами. – Ты можешь двигаться дальше, а я своих не бросаю. Либо вытащу Ингьяльда. либо просто перережу глотку этому колдуну, Многие спасибо скажут.

– Ты же совершаешь глупость! Ради одного человека готов пожертвовать собой и всей дружиной!

– Конунг должен иногда совершать глупости. – Ивар выглядел спокойным, словно не на него накинулся рассерженный русич. – Главное, чтобы он сам потом за них отвечал.

– Разрази меня Перун! – Лычко почти кричал. Дружинники оглядывались на него с недоумением. – И зачем я связался с этими сумасшедшими варягами?

Он неожиданно махнул рукой и залихватски улыбнулся:

– А, ладно! Двум смертям не бывать, а одной не миновать! Придется пойти с вами, а то пропадете, ведь тут не море! Эй, – русич повернулся к своим воинам, – разбивайте лагерь!

– Если мы не вернемся через десять дней, – Ивар глядел прямо в глаза Эйрику, которого вновь оставлял вместо себя, – идите вдоль реки на север. Доберетесь до Хольмгарда, там выбирайте нового конунга.

– Почему не берешь нас с собой? – обидчиво выкрикнул кто-то из молодых викингов.

– Силой Иигьяльда не освободить, – вступил в разговор Лычко. – Кривичей все одно будет больше, даже если мы пойдем все. А маленькому отряду легче спрятаться. Волчья шкура не поможет, примерим лисью!

Сам русич отобрал всего двоих дружинников – Зоряна и еще одного, низкорослого и молчаливого, чьего имени Ивар еще не успел узнать. Конунг взял Дага, который в любой чаще что птица в небе, Нерейда и Сигфреда.

– Не сомневайся, конунг, все исполню, – медленно ответил Эйрик.

– Надеюсь, – буркнул Ивар и повернулся к Дагу, который едва не приплясывал от нетерпения. – Пошли.

– Старайтесь шагать как можно тише, – предупредил Зорян, – кривич в лесу за версту слышит, Если будете топать словно лоси в гон, дойдем только до первой засады!

Сам скользил меж стволов бесшумно, точно лосось в воде. Не отставал от него и Даг. Прочим викингам приходилось хуже, под ногами предательски трещали сухие ветви, кусты норовили зацепиться за одежду, ткнуть в лицо раскоряченными лапами. Ивар с ужасом подумал о том, как грохотали бы они, если бы облачились в кольчуги и шлемы.

Лес тянулся темный, дремучий. Стволы елей высились в полумраке серыми колоннами, на разлапистых ветках покоились настоящие сугробы хвои. Под кронами стояла духота, на потную кожу налипали иголки, паутина, еще какая-то гадость.

Запах прелого дерева вызывал отвращение.

– Тихо! – шикнул Даг. Ивар замер, ощущая, как грохочет в груди сердце, готовое выдать хозяина.

Впереди, среди стволов, возилось что-то тяжелое, огромное. Слышалось сопение, удары, точно громадным веслом хлопали по земле. Затем затрещали деревья, гигантская туша двинулась в сторону, прошла в нескольких шагах. Затаившихся воинов обдало мерзкой вонью.

– Что это было? – спросил Ивар, когда шум стих вдалеке.

– Кто его знает, – ответил Лычко. – В наших лесах водится столько всякого, что не каждый волхв разберется…

У самого носа Ивара бежал муравей. Он походил на маленького рыжего викинга, который тащит добычу к кораблю, и бросить ее этого удалого воина не заставят даже все асы.

В десятке шагов возвышался муравейник высотой чуть не по пояс, от него исходил мощный кислый запах. Конунгу повезло, что падать пришлось не рядом с ним тогда бы вовсе затоптали мелкие кусачие викинги.

Рядом с Иваром лежал Нерейд. Лицо его отражало явственное желание выругаться, но рыжий насмешник молчал, хорошо понимая, что шарахающиеся рядом кривичи не страдают глухотой.

– Вперед, – прошептал Даг, когда топот и шум разговоров стихли.

Вскочили на ноги, пробежали с полсотни шагов, чтобы снова упасть, на этот раз между папоротников, похожих на торчащие из земли растопыренные зеленые хвосты дивных птах.

Сигфред споткнулся, вспахал носом землю, но лишь зашипел, как разжиревшая гадюка, которой наступили на хвост.

– Долго еще? – просипел Ивар, вытирая рукавом потное и покрытое грязью лицо.

– Судя по тому, сколько народу тут шляется, – нет, – ответил Зорян.

Они шли по лесу второй день, и чаща, вчера еще бывшая безлюдной и дикой, сегодня оказалась населена почти так же густо, как улицы Миклагарда. Деревни и селения встречались с частотой поганок, заставляя искать обходные пути, которые часто вели через завалы или болота

Половину времени приходилось лежать на пузе в сырых и грязных местах, пережидая, когда мимо прошагают лесорубы или охотники, бортники, девочки с лукошками, безбоязненно шляющиеся по лесу. Викинги стали грязными, точно земляные черви.

– Тут людно, как на тинге! – проворчал Нерейд. – А на пузе у меня скоро образуется мозоль.

– Ничего, – ответил Ивар. – На кольчугах сэкономим!

– Вперед! – И вновь вскочили на ноги, побежали полусогнутые, будто презренные шакалы, которых когда-то довелось видеть в жаркой южной пустыне. Корни норовили дать подножку, а кочки сами подворачивались под ноги, словно лес не желал пускать чужаков.

– Быстрее! – ругался впереди Зорян, на пару с Дагом ставший главным во время перехода через чащу. – Еще быстрее!

Орудовать веслом казалось в этот момент чуть ли не удовольствием.

– Стоп!.. – Едва не влетев в густой малинник, Ивар остановился. Ветви приглашающее щетинились острыми шипами, меж них висели зеленые ягоды, похожие на крохотные шишечки. – Теперь очень осторожно!

Ветви раздвинулись, открыв спокойную гладь круглого, словно монета, озера. В темной воде, гладкой, точно кожа девушки, отражалась стоящая на противоположном берегу малень-

кая крепость, похожая на построенный из дерева замок. Над мощными стенами поднималась сложенная из толстенных бревен башня, мрачная, словно старый пень.

– Княжеский терем, – сказал Зорян напряженно. – Если вашего волхва похитили воины Ярополка, то держат здесь.

– Как туда можно пробраться? – спросил Ивар, а глаза уже изучали крепость, шарили по стенам, искали Уязвимые места и лазейки.

– Есть подземный ход, – ответил усатый тиверец, – но его хорошо охраняют. На стенах, понятное дело, стража.

– Остается подойти к воротам и постучать, – хмыкнул Нерейд. – Эй, злой колдун, отдай Ингьяльда, а то тебе не поздоровится!.. И чтобы князь после этого еще от страха окочурился!

– Размечтался… – буркнул Ивар. – А если с воды? Озеро подступало к крепости почти вплотную, между берегом и основанием стены, которая была тут чуть ниже, чем со стороны леса, виднелся невысокий, но крутой откос. Желтел песок, из него торчали высохшие корни, смахивавшие на уснувших змей.

– Там разве что ящерица проползет, – сказал Зорян недоверчиво.

– Надо подобраться ближе, – предложил Лычко. – Там и решим, что делать! Странно только, что князь не живет в городе, как везде принято…

– В городе у него тоже есть терем, – буркнул Зорян. – Верстах в двадцати к востоку. Если хотите, для начала можно отправиться туда, осмотреть тамошние темницы!

– Нет уж! – Викинги проявили редкостное единодушие.

– Тогда вперед, – велел Ивар, – ползком. Будем искать подходы!

Ночь в лесном краю наступала утомляюще медленно. Пылающее колесо солнца давно укатилось за деревья, а небо продолжало оставаться светлым. Лишь на востоке слегка потемнело, в сиреневой вышине проглянули первые звездочки.

– Не чавкай так, а то княжеская стража сбежится! – От подобного замечания Зорян едва не подавился и укоризненно взглянул на Нерейда.

Тот безмятежно улыбнулся в ответ.

Весь день провели, изучая окрестности крепости. Если у Нерейда была на пузе мозоль, то и остальным пришлось ею обзавестись, чтобы не стереть кожу до крови. Княжеское обиталище охранялось не хуже, чем сокровищница халифа, и сам Багдадский Вор оказался бы тут в затруднении.

Ничего не оставалось, как лезть напролом и надеяться на хитрого и загадочного славянского бога, именуемого авось.

Ночи ждали, укрывшись среди молодого березняка на самом берегу. Шныряющие по лесу дозоры сюда не забредали, а густая листва позволяла чувствовать себя в безопасности.

– Хватит шутить! – осадил дружинника Ивар. – Подрываешь боевой дух!

– Как его можно подорвать, – не сдался Нерейд, – если он за десяток шагов в нос шибает!

– Это не боевой, – усмехнулся Лычко, – а совсем другой. Счастье еще, что у дозорных собак нет, а то бы унюхали наши вонючие онучи за версту…

Унюхали и скончались бы в жутких мучениях! – поправил Нерейд, с преувеличенной брезгливостью отодвигаясь от Сигфреда. – Ни одна собака такого не вытерпит!

– В следующий раз проверим! – предложил Ивар и гут же поднялся: – Ладно, уже темно, пора за дело!

Пока трепались, наступила ночь. Меж деревьями сгустился сумрак, небо выпучилось на землю сотнями сверкающих глаз. Скрывая их, бесформенными летучими чудовищами плыли облака.

– Эх, да поможет нам Отец Ратей! – Ивар проверил, как сидят перевешенные за спину ножны, и первым ступил в воду.

Она оказалась холодной. Со дна били ключи, а деревья на берегах не давали озеру как следует прогреваться Даже в жаркий день. Озноб забрался под кожу, вольготно ползал по телу. Грести резво было нельзя – малейший всплеск разнесется над озером словно звон колокола. Мерзли, а плыли медленно, точно засыпающие лягушки.

Деревянная крепость, чья громада вырисовывалась Во тьме, неторопливо вырастала. По стене ходили стражи с Факелами, перекликались сонными голосами, в башне горели два окна, похожие на злые, багровые глаза.

Откос надвинулся, скрыл крепость. Ивар ощутил под ногами твердь, с трудом встал на деревенеющие ноги. Когда выбрался на сушу, то с одежды и волос текло, а ночной воздух показался ледяным, словно объятия инистого великана.

– Все тут? – послышался из тьмы шепот Лычко, – Лезем наверх!

Песок осыпался под ногами, сапоги скользили, точно их смазали жиром. Ивар ухватился за торчащий корень, подтянулся, с ужасом ощущая, как тот рвется прямо у него в руках. Слава асам, успел ухватиться за следующий, поставить ногу на твердое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.